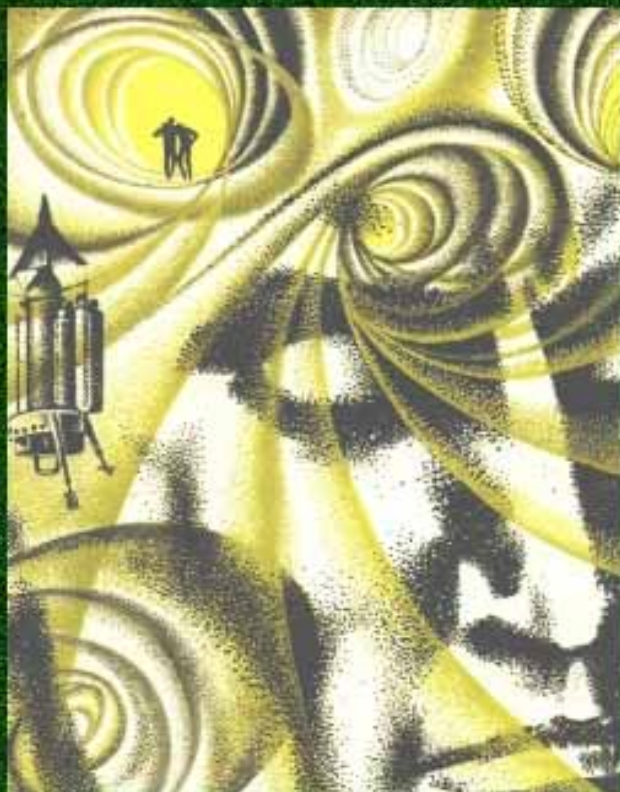

[Polaris]

ЛЕТЯЩИЕ

СКВОЗЬ МГНОВЕНЬЕ

Советская научно — фантастическая
повесть — буриме

Том II

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XLVII

Salamandra P.V.V.

ЛЕТЯЩИЕ СКВОЗЬ МГНОВЕНЬЕ

Советская научно-фантастическая
повесть-буриме

Том II

Salamandra P.V.V.

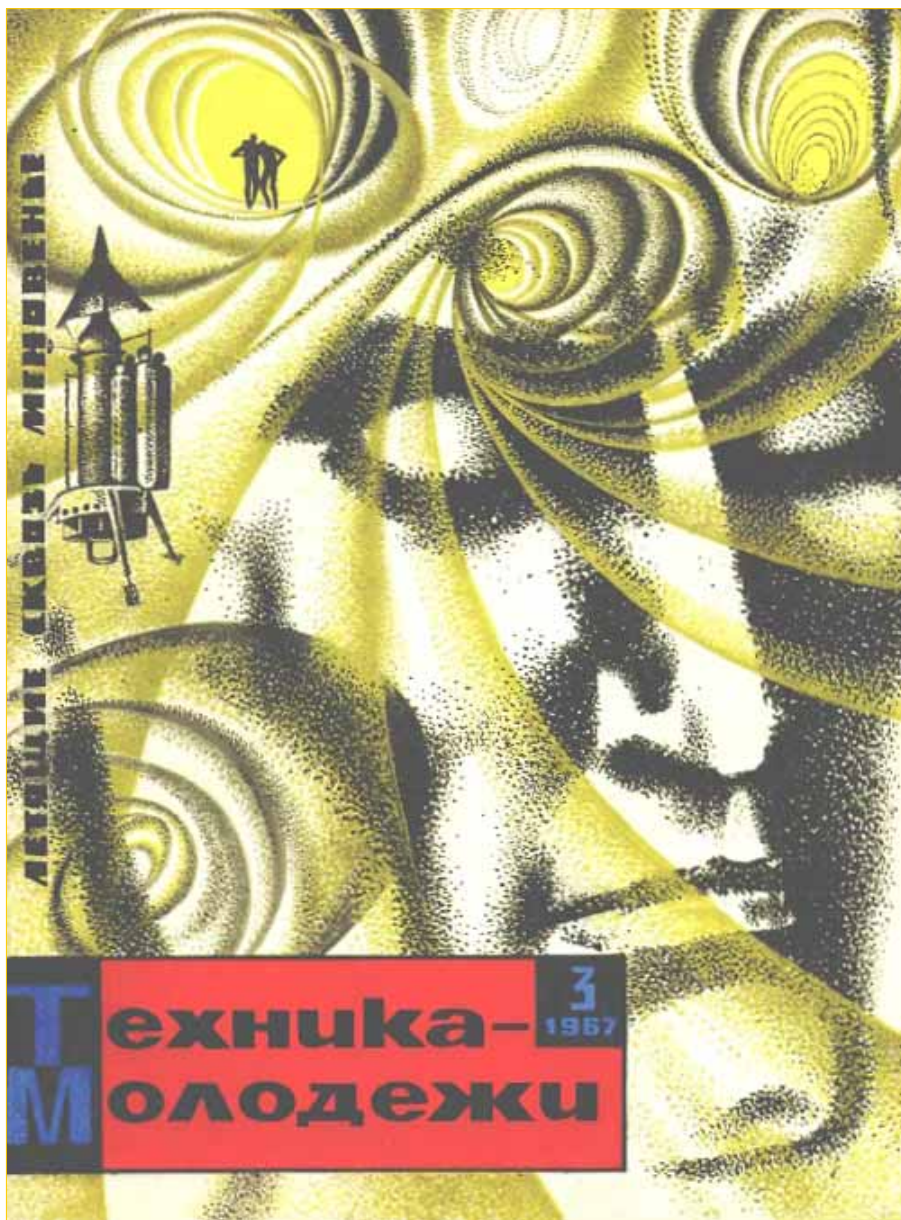
Летающие сквозь мгновенье: Коллективная повесть. Илл. Р. Авотина (Советская научно-фантастическая повесть-буриме. Том II). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – 105 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XLVII).

Новый двухтомник в серии «Polaris» представляет любопытное явление в истории советской фантастики шестидесятых годов – повесть-буриме. Впервые после экспериментов 1920-х советские авторы решили объединиться для создания произведений, которые, пожалуй, больше говорят о времени, чем о них самих...

Во втором томе издания публикуется повесть восьми писателей-фантастов «Летающие сквозь мгновенье», впервые напечатанная в 1966-1967 гг. в журнале «Техника – молодежи».

© Авторы, 1966-1967

© Salamandra P.V.V., оформление, 2014

ЛЕТЯЩИЕ СКВОЗЬ МЕРНОВЕНЬЕ

Т
М

Техника-
молодежи

3
1967

ЛЕТЯЩИЕ СКВОЗЬ МГНОВЕНЬЕ

Коллективная повесть

Рис. Р. Авотина

ИМННЫМ ФРЕГАТ ПУ

ЕЛИ ЗА СТОЛОМ КЛУБА

какая игра — «буриме». Сначала ее
ных разнородных рифм, а затем по
гочками.

прошлом веке увлечение «буриме»
т назад знаменитый Александр Д
енную... 350 авторам!

, если старинный фрегат «буриме»
ими парусами?» — задумался мы

иден предложить группе советски
де буриме» — написать коллектив

«буриме» прост и состоит в следу
дый предыдущий «ыгрок» не знает,
зя убивать сразу всех героев;

ует даже на журнальных страницах
нкосновения с антимиром (англи

ть надо интересно, но понятно.

будут писать 10—12 писателей-

Михаил Емцев и Еремей Парнов,

о Полежаев Александр Мусов и т.

●МОЖНО ЛИ СОЗДАТЬ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКУЮ ПОВЕСТЬ ВСЕМЕРОМ ИЛИ ВДЕСЯТЕРОМ?

●ЗАХОТЯТ ЛИ ГЕРОИ ПОВЕСТИ ПОДЧИНЯТЬСЯ КАЖДЫЙ РАЗ НОВОМУ ФАНТАСТУ?

●СУМЕЮТ ЛИ ПИСАТЕЛИ, КОТОРЫМ ВЫПАЛ ЖРЕБИЙ ПРОДОЛЖАТЬ И ЗАКАНЧИВАТЬ ПОВЕСТЬ, СВЕСТИ КОНЦЫ С КОНЦАМИ — В ЛИТЕРАТУРНОМ СЮЖЕТЕ И НАУЧНОЙ ФАБУЛЕ?

●НА ЭТИ ВОПРОСЫ ВЫ ПОЛУЧИТЕ ОТВЕТ, СЛЕДЯ ЗА ПУБЛИКАЦИЕЙ ПОВЕСТИ В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ НАШЕГО ЖУРНАЛА.

СТАРИННЫЙ ФРЕГАТ ПОД НОВЫМИ ПАРУСАМИ

ПИСАТЕЛИ ЗА СТОЛОМ КЛУБА ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

Есть такая игра — «буриме». Сначала ее участники обща придумывают несколько забавных разнородных рифм, а затем поочередно, «по кругу», оснащают их веселыми строчками.

В позапрошлом веке увлечение «буриме» захлестнуло буквально всю Францию, а сто лет назад знаменитый Александр Дюма выпустил целую книгу «буриме», представленную... 350 авторами!

«А что, если старинный фрегат “буриме” оснастить современными “научно-фантастическими парусами”?» — задумались мы. Так в клубе любителей фантастики возникла идея предложить группе советских писателей-фантастов сыграть в «фантастическое буриме» — написать коллективную повесть.

Статут «буриме» прост и состоит в следующем:

а) каждый предыдущий «игрок» не знает, что будет писать последующий;

б) нельзя убивать сразу всех героев;

в) следует даже на журнальных страницах избегать возможности непосредственного соприкосновения с антимиром (аннигиляция — страшная штука!);

г) писать надо интересно, но понятно.

Повесть будут писать 10-12 писателей-фантастов: Анатолий Днепров, Ариадна Громова, Михаил Емцев и Еремей Парнов, Север Гансовский, Владимир Григорьев, Александр Полещук, Александр Мирер и другие.

Каждый из них пишет свою главу, которая печатается в очередном номере журнала.

В этом номере журнала герои необычной повести начинают жизнь, полную приключений и научно-фантастических загадок. Развязка поджидает их через восемь-девять номеров. Итак, первая глава...

Авторы первой главы Михаил Емцев
и Еремей Парнов.

1

Михаил ЕМЦЕВ, Еремей ПАРНОВ

Оно настигло Питера Брейгена в «Казино-рулетт». Шарик остановился против черной семерки. Питер едва заметно вздрогнул. Ладони стали влажными и жаркими. Он знал, что выпадет именно этот номер. Точнее, когда шарик остановился против семерки, Питер понял, что знал это заранее. Он прикрыл глаза и ясно увидел бегущий шарик. На латунной крестовине рулетки металась световые блики. Мелькнул ледяной манжет крупье. Перстень сидящей напротив дамы вспыхнул колючей звездой. Шарик остановился на красной 25. Питер открыл глаза. Лимб еще вращался. Шарик, как крохотная планетка, летел вокруг желтого крестообразного солнца. Он остановился на красной 25. Питер судорожно сжал в кармане фишки и вновь прикрыл глаза.

Красная 34. Он поставил все на номер и цвет. Шарик остановился на красной 34. Костяная лопатка миниатюрным бульдозером надвинулась на Питера, подгребая к нему груды разноцветных фишек. Кто-то тихо ахнул. Питер ослабил галстук и расстегнул пуговку.

Красная 30. Он опять бросил все на номер и цвет. Шесть коротких и стремительных заходов белого бульдозера, и валы пластмассовых дисков отгородили Питера от стола, как стены неприступного форта.

Он не слышал ни шума, ни шепота. Не чувствовал горячего дыхания стоящих за спиной людей.

Черная 11. Он хотел вновь бросить в атаку все войска. Но вдруг передумал и поставил несколько фишек на дру-

гой номер. Выпала черная 11. Он еще несколько раз поставил незначительные суммы не на «те» номера. Потом забрал свои фишки и направился к кассе. Он знал, что так теперь будет всегда. Торопиться опасно и глупо. Он наверстает свое.

Питер прошел в бар. Лениво следил, как тяжелый джин мутными струями оседает в бокале мартини. Бармен бросил лед. Крохотный айсберг закачался в круглом и тесном океане. Питер зажмурился и вытер платком разгоряченный лоб. Айсберг превратился в белый шарик.

Черная 17. Питер резко отодвинул бокал. Маслянистая капля упала на черное зеркало стойки. Тихо звякнул о тонкое стекло лед. Питер бросился к лестнице. Задев кого-то плечом, проскользнул в зал. Шарик еще бежал. Потом остановился... на черной 17. Питер тихо засмеялся и почувствовал, что напряжение оставило его. Медленно покинул зал. С застывшей улыбкой на потном лице дотащился до бара. Выпил свой коктейль. Потом попросил чистого джина:

— Сухой и обязательно гордоновский. Льда не надо.

Поднес рюмку к губам. Но пить почему-то не стал. Расплатился и вышел на улицу.

В нефтяной реке улицы Крюгера плясали золотые и красные змеи, С шелестом проносились одинокие автомобили. Питер глубоко вздохнул и стал смотреть на небо. За-

прокинув голову, следил он за медленным мерцанием звездной пыли. Над Преторией плыл аромат цветущих палисандров, неслись далекие холодные миры, мигающей зеленой точкой заходил на посадку очередной «супер-констеллейшн» или «боинг».

В ночном клубе напротив еле слышно попискивала музыка.

Мимо прошла женщина, и Питер долго слышал оставленную ею ароматную волну. Он вдруг почувствовал глобальность всего происходящего. Мир вращался вокруг него. Галактика раболепно подрагивала крутыми ветвями. Голубая материя ее клокочущего ядра обретала правильные очертания рулеточного креста. Питер закрыл глаза и сейчас же увидел цифру и цвет.

— Так будет всегда! — сказал он.

На следующее утро он отправился на биржу. Долго глядел на световое табло. Курс держался довольно устойчиво. Когда названия компаний и цифры прочно отпечатались в мозгу, он закрыл глаза. Статичная таблица пришла в движение. Сначала медленно, потом быстрее. Как преодолевающий инерцию маховик. Первой заколебалась Табазимби Лимитед. В течение сорока секунд акции упали на одиннадцать пунктов. Зато курс сталелитейной корпорации Искор неуклонно полз вверх, как столбик термометра в погожее утро. Питер купил акции Искор.

Он шел по волнам, как лайнер, ведомый системой «топаз», уверенно, спокойно и точно по курсу.

Бросив рассеянный взгляд на витрину претенденток, он остановился и стал внимательно разглядывать фотографии. Когда белозубые улыбки и обнаженные сверкающие плечи закуружились перед ним в беззвучном вальсе, он нахмурился. С минуту постоял так, потом открыл глаза и внимательно прочитал надпись под одной из фотографий: «Фрона Мэссон».

Он нашел это имя в телефонной книге. Позвонил. Трубку долго не снимали. Потом тихий и, как ему показалось, чуть грустный голос пропел:

— Алло.

— Вы Фрона Мэссон?

— Да. Это я...

— Вы будете Мисс Преторией, Фрона. Я это знаю наверняка. Когда вас увенчают лаврами, вспомните обо мне. Это я сделал вас королевой красоты. Я, Питер Брейген. Вы найдете мой телефон в книге. Позвоните мне, когда станете Мисс Преторией. Почему вы молчите? Или вы не верите мне?

— Нет, верю. Я знаю, что получу корону. А на жеребьевке мне выпадет тринадцатый номер.

Трубка в руке Питера ожила и превратилась в змею. Он задохнулся. Сердце сорвалось с насиженного места и упало куда-то вниз. Фрона еще что-то говорила ему. И голос ее был усталым и грустным, но он забыл о ней. Медленно и осторожно опустил трубку на рычаг. Оглядываясь, как затравленный зверь, вышел на улицу.

Расплавленный асфальт продавливался под каблуком. Запах палисандров душил. Влажное солнце слепило. Привычный мир рухнул. Он стал растекаться, как блинообразные часы на картине Сальвадора Дали.

Питер заметался. Он не знал, что ему делать. Ему вдруг захотелось сразу же продать акции. Потом он бросился искать такси, чтобы поехать в казино. Но вспомнил, что рулетка открывалась лишь в пять часов. Ничего не видя, часто переходя на бег, пронесся по улице. Перешел через мост. Только очутившись на другом берегу Апис, вдруг опомнился и пошел назад.

По пути на него снизошло вдохновение. Он вскочил в такси и велел ехать на ипподром. Сегодня там были скачки.

Ипподром находился по пути в аэропорт Вондербом. По обе стороны мелькали красочные рекламы различных авиакомпаний: КЛИМ, БЕА, Эйр Индия, САС. Незаметно для себя Питер стал следить за всеми этими крылатыми глобусами, стрелами, длинноногими стюардессами. Это отвлекло его.

В ближайшем киоске он купил программку. Долго изучал ее. Потом привычно закрыл глаза. Ставок он не делал. Только проверял. Первыми пришли лошади: Гелиоскоп, Адамант, Зулус, Экселенс, Кольт.

Оно настигло Йена Абрахамса на рассвете, в университетской лаборатории. Он поймал себя на том, что пишет готовое уравнение расщепления спектра нейтринного потока. Йен рассеянно взглянул в окно. На площадке для гольфа двое студентов лениво катали шары.

Все было как обычно. Но земля уже сорвалась со своей орбиты и летела неведомо куда. Люди занимались привычными делами. Они не знали, что уже рухнули сами основы их безмятежного существования. Стрелки еще ползли по циферблатам часов, но стальных пружин больше не существовало. Рухнул закон причинности. И пока только он, Йен Абрахамс, знал об этом.

Это произошло вчера вечером, когда он уже лег спать.

Красная блуза с белой полосой мелькала на темном фоне лакированной листвы. Студент нагибался над лункой, что-то говорил, иногда смеялся. Окно не пропускало звуков. С болезненной четкостью Йен видел, как вспыхивают и гаснут белые здоровые зубы человека, который не

подозревает, что случилось непоправимое. Студент в красном занес клюшку, но, прежде чем состоялся удар. Йен уже знал, в какую лунку упадет шар. Он резко задернул шторы. Взял в руки листок с неровными рядами математических выкладок.

Все правильно. Он составил задачу. Определил граничные условия. На этом цепь выводов обрывалась. Результат пришел сразу. Йен скакнул через теорию групп, метод S-матрицы и метод Редже. Кто-то вложил ему в голову готовое решение.

Но кто?

Чтобы хоть на секунду отвлечься, Йен взял с полки первый попавшийся детектив. Рассеянно проглядел несколько страниц. Мысленно подивился кажущейся бессмысленности убийства. Постепенно увлекся и решил читать дальше. Но на девятнадцатой странице он уже знал имя убийцы. Заглянул в конец книги. Так и есть! Убийцей оказался некий Фолк, представший на первых страницах под благообразной личиной методического пастора. Йен плюнул. Индетерминированный мир не стоил даже плевок. Магистр физики Йен Абрахамс знал это лучше, чем кто бы то ни было.

Оно настигло Виллиама Йориша в резервате Иствуд. Он едва успел вернуться до наступления темноты в свой «бидонвилль». Он очень торопился. Полисмен в прошлый раз сказал, что если он еще раз опоздает, то пусть пеняет на себя. Но автобусы обычно так переполнены.

Виллиам прошел по скрипящему шлаку к лачуге, сколоченной из ящиков и обрывков ржавой жести. Поздоровался с соседями и присел на пороге покурить. На горизонте остывала дымная багровая полоса.

Было грустно сидеть и курить просто так, но губную гармонику он потерял.

На доменных печах горели газовые свечи. Но огонь был едва заметен. Он тонул в тяжелом малиновом зареве, на

фоне которого закопченные трубы и кауперы казались вырезанными из черной бумаги.

Виллиам отвернулся и уставился на стену соседней лачуги. Особняк был сработан из старого автофургона, ящиков от яиц и жестянок из-под бензина. Фасад его украшала огромная афиша, на которой смеялась красавица в алом вечернем платье. Кто-то отодрал от афиши клоч, и декор у красавицы получилось очень рискованным.

За этой стенкой жил приятель Виллиама Хальс — такой же одинокий горемыка. В этом выморочном поселке жили одни горемыки — басуто, косо, зулусы, бечуаны, свази. Лица их были черны от природы, дома — от копоти.

Виллиам собрался было пойти в лавочку индийца Шутры, чтобы купить немного сахара и арахисового масла, как оно вдруг настигло его. Нельзя сказать, что он вообще не ожидал ареста. Такой безмятежной роскоши он себе позволить не мог. Но в этот тихий вечерний час, когда чахоточная лампочка на деревянном столбе источала во все стороны желтую паутину, Виллиам вдруг понял, что это произойдет сегодня.

Он увидел полицейский «джип», который остановился у керосиновой лавки. Услышал противный визг тормозов и хлопанье железных дверок. Это приехали за ним, и за Хальсом, и за Нарду. Он увидел, как их всех повели к машине. Как машина отъехала и, набирая скорость, понеслась по пыльной дороге. Потом — белая облупившаяся стена с зелеными и желтыми разводами сырости, тысяче-ножки прячутся в черных ветвистых трещинах, крохотная лампочка в проволочном колпаке, тяжелая дверь с зарешеченной дыркой.

Виллиам хотел встать, забежать к Хальсу, спрятаться в какой-нибудь вонючей дыре. Он не отдавал себе отчета в

том, что увидел. Было ли это наваждением, галлюцинацией или предчувствием — он не знал. И даже не раздумывал над этим. Но прежде чем он хоть что-то сделал, у керосиновой лавки с противным визгом остановилась полицейская машина.

Первым вылез из нее поселковый полицейский по прозвищу Краб. За ним еще один — незнакомый. Они направились прямо к Виллиаму. Он хотел встать и пойти им навстречу, как вдруг новое непонятное видение пригвоздило его к грязной занозистой доске.

Виллиам увидел темные терриконы на закатном небосклоне и длинные душные штреки, где лица людей сливаются с породой и только белки глаз и зубы светятся, как гнилушки в лесу. Он услышал неровные удары кайла и скрип ржавой вагонетки, покачивающейся на узких рельсах. В ноздри ему ударил горячий и влажный воздух. На плечи обрушился нестерпимый груз, а ноги свело от многочасового стояния в холодной воде подземелья.

И еще увидел Виллиам, как подрагивает на носилках мертвое тело Хальса, покрытого грязной окровавленной простыней. Хальс умер от непонятной болезни. Сначала он чувствовал странную слабость, которая часто переходила в полнейшее изнеможение, потом у него пошла носом кровь и участились рвоты. И вот Хальс умер.

Что должно было случиться дальше, Виллиам так и не понял.

— Иди к машине, — сказал ему Краб.

«Йоханнесбург ньюс» от собственного корреспондента из Претории.

Как стало известно из заслуживающих доверия источников, в золотоносных конгломератах одного из рудников Южного Бушвельда обнаружено присутствие значительного количества урана. Правление консорциума «Африкандер Миннерс» на одном из последних заседаний приняло решение начать промышленную разработку урана, предназначенного на экспорт. Несмотря на то, что работы в урановых шахтах опасны для жизни и здоровья людей и

требуют соблюдения специальных мероприятий по технике безопасности, консорциум получил разрешение на разработку урановых руд. Более того, у нас есть основания полагать, что соответствующие учреждения разрешат правлению «Африкандер Миннерс» использовать заключенных на работах по добыче и погрузке руды. С этой целью полиции дано указание набрать в резерватах соответствующий персонал. В первую очередь приказано задерживать неблагонадежных с точки зрения полиции лиц. Все задержанные будут привлечены по статье 72 чрезвычайного закона о нарушении комендантского режима. Статья предусматривает каторжные работы сроком до семи лет.

Таким образом, речь идет о преступлении перед человечеством и грубом злоупотреблении властью. Администрации «Африкандер Миннерс» и государственным чиновникам одинаково хорошо известно, что работа в радиоактивных шахтах представляет собой медленное убийство. Поэтому все операции по «набору» рабочих на шахты Южного Бушвельда были окружены глубокой тайной. Однако вашему корреспонденту удалось проникнуть за кулисы преступного заговора. В частности, стало известно, что полицией уже произведены первые аресты. Так, в резервате Иствуд без каких бы то ни было оснований арестовано шестеро человек. Среди них рабочие сталелитейного завода Виллиам Йориш и Хенрик Хальс, которые уже были ранее осуждены на различные сроки за выступления против политики апартеида, всем этим людям угрожает смерть. Общественность должна поднять энергичный голос протеста и потребовать правительственного расследования всей этой грязной истории.

Слухи о южнобушвельдских шахтах просочились и в биржевые круги. Много различных толков вызвало то обстоятельство, что некто П. Брейген приобрел на значительную сумму акций «Африкандер Миннерс», которые последнее время стоили довольно низко. Это невольно наводит на мысль, что кое-кто отнюдь не бескорыстно содействует гнусной афере.

Вот какие дела творятся в благословенной тишине преторийских ночей. Необходим беспощадный луч света. Мы должны потребовать гласности.

Р. Мэллори.

Оно настигло Дика Мэллори в закрытом европейском клубе «Бритиш лиг», где он тихо и мирно пил имбирное пиво. Оппозиционная газетка «Йоханнесбург ньюс» напечатала его корреспонденцию через сутки после подписания плана разработок урана, в тот же день, когда полиция начала производить аресты, и за полчаса до того, как Питер Брейген отправился продавать акции «Африкандер Миннерс», чтобы положить разницу курсов в карман. Ведь Питер знал, что акции начнут падать. Он играл не только на повышение.

Вторую главу коллективной повести написал фантаст Александр Мирер. По специальности он инженер-электротермист. В прошлом году в Детгизе вышел его первый научно-фантастический рассказ «Будет хороший день».

2

Александр МИРЕР

В том же клубе, в малой гостиной, Дик Мэллори сидел и сутки спустя, когда слуга доложил полусшепотом:

— К вам джентльмен, сэр...

Дик наклонил голову — просите. Он знал свое будущее, и ему было совсем все равно, как в окопах под выгоревшим пустынным небом и под «юнкерсами», падающими в пике над белыми песками. Пусть приходит этот джентльмен, ему все равно.

— Это вы зря, Мэллори.

Посетитель смотрел на него, раскуривая трубку, — лицо жесткое и нервное, ворот нараспашку, брюки измяты. Дик лениво изумился; какой же ты убийца, парень, ты ж интеллигент...

— Что зря? — спросил Дик.

— Отпеваете себя напрасно. А меня зовут Йен Роберт Абрахамс, физик.

— Вот оно что, физик, — пробормотал Дик и снова устался в стакан. — Давно я не видал живого физика...

Он еще смотрел, как прыгают пузырьки в стакане с ледяным пивом, и вдруг понял — физик что-то знает.

— Говорите, напрасно себя отпеваю? Не из одной ли мы команды, мистер Абрахамс?

— Наконец-то, — сказал Абрахамс. — Меня зовут Йен.

— Годится, — с удовольствием сказал Дик. — Значит, Йен. Давно с вами это? — он пошевелил пальцами перед глазами.

— Сутки. Я понял по вашей статье, в чем дело, и думаю, что есть еще несколько таких, вроде нас с вами.

Вроде нас с вами... Дик видел, как через густую марлю, что неспроста убийцы из «Африкандер Миннерс» протирают линзы лучеметов. Неспроста они кинулись по его следу и ждут за газетным киоском, а машина проскочит в двух дюймах от его обугленной головы, а полисмен...

— Отлучится за сигаретами, — вслух закончил Йен. — Попал?

— Четко, четко, — сказал Дик.

Он дышал уже свободно, как будто налет кончился и самолеты набирали высоту, а он, кажется, живой, и опять закрутилась смутная мысль — неспроста все это! Кто-то успел подсказать мерзавцам из «А. М.», что Ричард Мэллори стал особенно опасен.

— По-моему, — сказал Дик, — их навел кто-то из нашей команды. Но сию минуту его здесь нет.

Йен кивнул, разжигая трубку. Мэллори таращился на него, соображая еще одно: как это может быть, если он видел ясно, что выходит из клуба один-одинешенек. Для Йена в его видении не было места...

— Да, — проговорил Абрахамс, — в качестве варианта: вы не пробовали попросту пойти не в ту сторону? От киоска?

Мэллори быстро прикрыл глаза и увидел, что слева от клуба, на третьем этаже, чернеет открытое окно, и некто насвистывает вальсок, и стреляет лучом между «соль» и «фа», и уходит, насвистывая...

— Попробуйте черный ход, Дик. Через кухню.

Спустя секунду Мэллори вытер лоб и потянулся за пивом. Убийцы не подумали о черном ходе, — разве джентльмен пойдет через кухню?

— Вы молодчина, Дик. Я бы струсил на вашем месте.

— Спасибо. Я воевал в Египте. Но, Йен, значит, будущее не неизбежно?

— Когда как, — сказал Йен, и Мэллори его не понял.

...Они проскользнули черным ходом и благополучно сели в машину Абрахамса, и он начал свою лекцию «насчет как и когда». Они объяснялись между собой, наполовину угадывая мысли, и лишь наполовину — словами. Мысли угадывались наперед, как ходы в шахматной партии. С этого сравнения Абрахамс и начал: «Вы играете в шахматы? Хорошо. В дебюте вероятность каждого хода достаточно высока. Что? Вероятность? Я полагал, вы более интеллигентны. В дебюте меньше десяти ответов на каждый ход противника, а в миттельшпиле — сотня. Мы оказались в положении шахматистов, знающих безошибочно любой ход противника, причем не только в дебюте. Когда угодно. И всю цепь ходов до конца партии, и противника и своих. Но игра должна идти по известным нам правилам. Скажем, вы интеграла не возьмете. Я могу».

— Выход через черный ход был неплохим ходом, — скаламбурил Дик. — Значит, мы видим липовое будущее?

— Мы видим то, что будет, если мы не сумели повернуть события по-своему.

Несколько минут Дик обдумывал все это. Жмурился, когда вечернее солнце вспыхивало на стеклах. Курил. Потом сказал:

— Если так, Йен, я бы попробовал прикончить «А. М.». Имею я на них зуб...

— Что же, я готов, — ответил Йен, — люблю опасные эксперименты. Но правила этой игры мне не известны.

...Ричард Мэллори не зря слыл грозой бизнесменов, не зря годами вел досье на членов правлений, его управляющих и прочих. Не зря «А. М.» решил с ним разделаться в конце-то концов! Покачиваясь на сиденье, Дик разыграл партию — будущее директоров «А. М.». Он видел, как директор Каульбах возвращается со спевки (хохферейн «Мотылек») и как будет потом. Он видел, как Александр Растерс, кавалер ордена Бани, выбирает новый лук из стеклопластика — о, это мужественная забава, мой друг, это для мужчин! — и он видел...

Он видел, что третий пока что не опасен. Притаился, как зубная боль, до времени, до своего часа, до завтра.

— Готово, Йен. Третий пока не опасен, мне кажется. А в противовес надо бы вытащить Вилла Йориша, вы знаете? Нет? Он тоже один из нас. Я писал о нем.

— Поехали, дружище, — Йен внимательно вел машину, но трубка задорно торчала вперед и вверх, — поехали! Вытащим Йориша, а завтра, учтите, нам придется эмигрировать.

Так, придется... Один из них уже стакнулся с властями, а такой консорциум переиграть не удастся. Ни за что не удастся, только и мы не грудные младенцы!

Они улыбнулись друг Другу, и Дик сказал:

— Ну, держись, «А. М.»!

Виллиама Йориша они выручили легко, а сержант Грили, прозванный Крабом, постарался забыть это дело поскорее. Подъехал синий «фольксваген», и длиннолицый такой хмырь вылез и подошел к участку и говорит ему: «Сержант Грили! Индеец дал вам пять фунтов», — а он, Грили, еще и выпить не успел на эту пятерку и еще долю старшему не отдал! «А вчера вы отпустили Бриллиантчика, нарушив свой долг», — говорит хмырь, и все так чистенько, как настоящий англичанин, а потом требует, чтобы он, Гри-

ли, отпустил одного из вчерашних черномазых, тогда он будет молчать и не пикнет про Бриллианщика и прочее.

...Так Виллиам Йориш ускользнул от своего будущего и на короткое время стал черным шофером Йена Абрахамса. Ничего не спрашивая, Йориш пошел к машине и сел за руль, а Грили только нацелился отвесить ему справа...

Затем Виллиам вымылся в настоящей ванне и получил брюки и рубашку Йена, после чего уже самостоятельно купил себе ливрейный жилет, фуражку и губную гармонику.

В соседнем коттедже миссис Рокуэлл сказала своему мужу, декану, что Йен Абрахамс нанял шофера. Пока она уговаривала декана нанести Йену визит, Йориш уже изучил азбуку и принялся читать по складам английские сказки, а Мэллори и Абрахамс смотрели на него и время от времени сообщали друг другу, что никогда бы не поверили этому, если б им рассказали что-нибудь подобное. Потом они приняли снотворное, зная — каждый в отдельности и все трое вместе, — что никогда уже им не удастся заснуть без хорошей дозы снотворного. Дик заставил себя не думать о завтрашних событиях и, засылая, видел, как Нелл, его подружка, звонит своему запасному приятелю и выходит из дому в вечернем платье. Йен опроверг гипотезу кварков, потом вспомнил, что Земля пересекает поток Леонид, и увидел место каждого метеорита, сгорающего в атмосфере, — с точностью до километра в пространстве и одной десятой секунды во времени. Некоторое время он думал, что зря ввязался в эту мелкую возню с «А. М.». А Виллиам все видел свое — вонючую воду и беднягу Хальса под окровавленной простыней — и стонал, засыпая под магическим воздействием белых таблеток.

Утром они сели в машину — длиннолицый, жесткий Йен; Дик Мэллори, плотный, спокойный, с выцветшими глазами, и Вилл Йориш, немолодой свази, тощий, как обгорелая спичка. Включив двигатель, Вилл оглянулся, посмотрел с грустной улыбкой, как бы посмеиваясь над самим собой, и Йен сказал:

— Виллиам, мы верные люди... Не наша вина, что мы белые.

Тогда Вилл решился:

— У меня есть автомат, мистер Абрахамс. Я зарыл его на пустыре под пустыми ящиками. Можно достать, никто даже не заметит...

— Хорошая компания, — сказал Дик. — Хо-орошая компания! Лучемета у нас нет?

Двадцать минут, оставленные в резерве, ушли на поездку к пустырю, что за бидонвилем. К дому Александра Растерса они подъехали, не имея ни секунды в запасе. Вилл поставил машину под острым углом к тротуару, не выключая двигателя. Достал губную гармонику. Мэллори и Абрахамс прошли через газон к дому, и, пока их рассматривали в глазок, было слышно, как Вилл играет на гармонике «Часто мне снятся родные места». Потом тяжелая дверь открылась.

В холле было прохладно. Лакеи поднялись со своих стульев и выжидательно смотрели на вошедших. У того, что стоял в середине, сигарета прилипла к губе — он изумленно мигал, глядя на Дика Мэллори.

— Вот этот ждал меня вчера на третьем этаже, — сказал Дик.

Йен кивнул.

— Знаю. Вот что, мужчины, — обратился он к лакеям. — Я из полиции, понятно? Мы пройдем к хозяину, а вы сидите тихо, как белые мышки... молчать! Вы за хозяина не в ответе. Будем мужчинами, не так ли? Пошли, мистер Мэллори... А вы можете сесть. Сидеть, кому сказано! Дорогу сами знаем.

— Как вы ловко, — с уважением сказал Дик, поднимаясь за Йеном по лестнице.

— Детектив — мой любимый жанр, — Йен остановился перед стеклянной дверью. — Пожалуй, нам сюда... Остается шесть минут, эксперимент начинается.

Они прошли через библиотеку в кабинет. Хозяин спал за столом, откинув красное лицо на спинку кресла. Дик с удивлением подумал, что не чувствует к нему ненависти, и понял почему — он знает его будущее.

— Пять минут, — произнес Йен, вынимая автомат из-под пиджака.

Хозяин проснулся, как просыпаются солдаты и охотники, не меняя положения головы, и мгновенно оценил обстановку.

— А, Мэллори, — он слегка осип, но говорил бодро, — молодцом... Вы переиграли меня, Мэллори. Диктуйте, я слушаю.

Он быстро, яростно покосился на автомат, на дверь и попытался оглянуться, — Дик вынул пистолет и поплотнее встал на львиной шкуре, заменяющей ковер.

— Условия простые. Завтра же эвакуировать шахты. Урановые горизонты затопить, взорвав перемычку в нижней штольне. Все.

Вот тут он проснулся как следует и выкатил глаза. Но только на секунду, он был совсем не прост, нет, нет, он был совсем не прост, ребята, и было любо-дорого смотреть, как он сидит и понимающе улыбается.

— Десять тысяч, Мэллори. На любой банк. Могу наличными.

Времени не оставалось совсем, и, косясь на стрелки часов, Дик выдал Растерсу вторую порцию:

— Вы старый дурак, Растерс. Шахту вы взорвете. Если завтра к полуночи шахта не будет взорвана, мы вас прикончим, даже если вы залезете в резиденцию премьера. Просто прикончим, бесплатно. Доказательство? — Йену, небрежно: — Наберите номер Каульбаха, Тим. Берите трубку. Растерс, берите. Мы работаем чисто.

Растерс охотно взял трубку — еще бы! — и пролаял:

— Хозяина, Грюне, да-да, это я... Морген, либер Фриц...

— Говорите по-английски, — предупредил Йен.

Оставалось сорок секунд. Они оба, Абрахамс и Мэллори, еще вчера видели, как Фриц Каульбах падает вниз лицом, сжимая трубку, и аппарат падает со столика ему на затылок... Тридцать секунд, но что, если они ошибаются и сосуд в мозгу Каульбаха вовсе не собирается рваться?.. Двадцать секунд... А тебе его не жаль?

— А что жалеть эту сволочь? — пробормотал Йен.

— Да, Фриц, у меня здесь мистер Мэллори, тот са... Фриц! Фриц! Эй, что случилось? Фриц!

Он немного отвел трубку от уха и с ужасом посмотрел на Дика. Куда девалась твоя храбрость, охотничек?

— Мы работаем чисто, Растерс, — сказал Йен.

Ошибки не было.

— Фри-иц! — завопил Растерс. — Фри-и-иц! — и осекся. В трубку что-то забубнили. — Фриц? Грюне, где хозяин? Что? Конечно, конечно... — в трубке послышался сигнал отбоя. — Он хочет вызвать врача... Он хочет... вызвать... врача.

— Пациент закрыл глаза, — флегматически констатировал Йен, — он жалостлив...

И сейчас же, перебивая его, Дик ответил:

— Врач установит кровоизлияние в мозг...

— А при вскрытии — в левое полушарие, Растерс...

— Потребуйте вскрытия завтра же, посмотрите, что ждет вас.

Довольно. Он был готов, и Дик опять понял, что не чувствует ненависти, но даже некоторую жалость, брезгливую, и как будто он виноват в смерти второго мерзавца.

— Откройте глаза, — сказал Дик, — до завтра мы вас не тронем.

— К-как вы это д-делаете?

— Лучи смерти, — серьезно ответил Йен. — Избирательные лучи смерти, с наводкой по мозговым токам.

Йен опустил автомат на грудь и подошел к знаменитой коллекции луков. «Сэр Александр отрицает ружейную охоту, как негуманную. Из своего стеклопластикового лука он разит без промаха. Среди его трофеев — лев (верхний снимок)...»

— Хороший лук, — сказал Йен, — отличный лук. Правда ли, что из лука можно убить льва?

Он говорил, стоя за спиной Растерса, а Дик смотрел, как гуманный охотник глотает комок, застрявший в горле. Когда Йен звякнул тетивой, веки Растерса чуть дрогнули, и Дик понял, что старая лиса притаилась и ждет. Не такой он человек, чтобы поверить в лучи смерти. И у него есть

бетонное противоатомное убежище, личная охрана и прочее. А ну, заглянем в завтрашний день...

...Растерс в убежище, смотрит телепередачу. С ним женщина по имени Беата... А их с Йеном везут в наручниках из аэропорта... Та-ак.

— Убежище вам не поможет, — ровным голосом начал Дик. — Чепуха. Там у вас подъемная дверь толщиной десять дюймов, кодовый замок, восемь три ноль пять ноль один, бордоское вино для Беаты, — он говорил и видел, как меняется завтрашний день, и они втроем поднимаются на борт самолета, а может, это не самолет? — Вино для Беаты вам тоже не поможет, и запасный выход из убежища под канализационным люком сто семнадцатым... — Дик сам не заметил, как уселся на письменный стол Растерса, болтая ногой, как в редакции, до того его увлекло это занятие. — Ловко придумано с запасным выходом, сэр Александр... Но все это чепуха.

Тогда Растерс опять завопил. Он был уже далеко не молод и весь побагровел, но вопил он звонким, яростным голосом:

— Дьявол! Дьявол! Дьявол!..

Неизвестно, поверил ли Растерс в «лучи смерти». Но шахта была затоплена — на следующий день, перед закатом. С последней клетью подняли беднягу Хальса. За полчаса до взрыва его ударило лопнувшей стойкой шахтной крепи, и Виллиам Йориш молился за его душу, когда вел синий «фольксваген» к аэропорту.

Йен сердито сопел на заднем сиденье. После визита к Растерсу им удалось и остальное — паспорта, визы, билеты на самолет, — но до последней секунды Йен надеялся, что все обойдется, что все займет прежние места, перечеркнется, что ли, и можно будет вернуться в свой коттедж, и а свою университетскую комнатку, и на свой семинар к остроглазым загорелым студентам. Как это «обойдется», он не представлял себе, но продолжал надеяться, и ехидно посмеивался над этим беспричинным ожиданием, и надеялся. С другой стороны, когда за ними увязался «бьюик» и немедленное бегство стало единственным выходом, Йен

ощутил некоторое удовлетворение. Причинная логика продолжала действовать, мир ощущался как упругий, сопротивляющийся материал и отвечал на удар ударом.

— Выжидают, — проговорил Мэллори, вглядываясь в желтые пятна подфарников, зажженных на «бьюике». — Грузовик им мешает. Йен, его зовут Питом, Питер... А как фамилия этого Пита?

Йен пробурчал:

— Что он сдох! Не знаю. Тот, что навел на вас лучеметчиков? Его нет в «бьюике», к сожалению...

— Нет-нет, этот Пит рисковать не любит, не таковский. Он дома. Стоп! Это спекулянт Брейген.

— Возможно. Кто-то из нас должен был оказаться на той стороне. Не отрывайся от грузовика, Вилл.

Йориш нагнулся к стеклу и всмотрелся в темную кабину грузовика, в неторопливо вращающиеся большие колеса.

— Ох, ох, он мне сильно не нравится, мистер Абрахамс!

Тем временем «бьюик» начал притормаживать, в легком тумане тормозные огни окружали его красноватым ореолом, и тут они поняли, что попались, и Вилл произнес длинное слово по-зулусски и попытался вырваться вперед, грузовик резко взял влево. Тормоз, еще тормоз, и желтые подфарники надвинулись на них из густеющего тумана, и Дик быстро опустил стекло и высунул руки с автоматом, а Вилл погасил огни, и Дик ударил очередь назад, по желтым пятнам в тумане — гильзы замелькали по крыше машины. Тут их швырнуло, провизжали тормоза — Йориш свернул влево, на подвернувшееся шоссе, а сзади грохнуло и поднялось дрожащее желтое пламя.

Мэллори спросил:

— Что дальше? В аэропорт нам нельзя теперь...

Помолчали. Двое на заднем сиденье, физик и журналист, с тошнотворной явственностью видели, как захлестываются вокруг них круги возмездия. Они преступили законы своего мира, они стали убийцами, изгоями, и за их спинами уже ревели клаксоны полицейских лендроверов, и вертолеты разбрасывали по дорогам наряды жандарме-

мерии. Конец, конец... Но маленький тощий свази на переднем сиденье ничего не знал об этом. Он собирал и распускал на лбу крупные серые морщины и видел сеть дорог как бы сверху, как охотник, прокрадываясь вельдтом, видит движение стад и слышит свист коршунов в вышине. Он ждал поворота направо и спокойно повернул, когда знак поворота выскочил из тумана. Спустя пять километров он повернул еще раз и спокойно выехал на магистраль — в его мире действовали иные причины и иные следствия, и он один видел, как шофер с грузовика трясет толстой мордой

и повторяет: «Ничто не знаю, инспектор, как есть ничего». А они уже подъезжали к аэродрому, мимо реклам авиакомпаний, мимо всего, что составляет мир белых людей, в котором за преступлением следует возмездие. В мире Виллиама Йориша преступления совершались безнаказанно, вот в чем дело. Жизнь бедного свази, или бечуана, или любого другого, она была так дешева, что не стоила даже возмездия. Ничего она не стоила.

И он оказался прав. В аэропорту было спокойно, ибо они приехали туда раньше, чем полиция подроспела к догорающему «бьюику».

Он переминался с ноги на ногу и про себя пел псалом, пока Йен предъявлял пограничному офицеру разрешение на выезд для цветного. Оно стоило Йену половину его сбережений. Остальное ушло на билеты.

Вилл оглядывался и бормотал: «Я вернусь, я вернусь», — пока поднимался в кабину. Машинально достал из кармана гармонику.

Йен сказал мягко:

— Виллиам, в самолете не стоит играть на губной гармонике.

Ариадна ГРОМОВА — прозаик и критик, автор фантастических повестей — «В круге света», «Поединок с собой», «Глеги», романа о киевском подполье «Линия фронта — на востоке». Ариадна Громова — член Союза писателей, кандидат филологических наук.

3

Ариадна ГРОМОВА

Аэродром Орли встретил их ледяным ветром и морозящим дождем. Все это они уже видели в пути — тусклый влажный блеск зеленого силиконового покрытия, расчерченного яркими белыми линиями взлетных полос, тяжелые темные тучи над самой головой, людей в круглых прозрачных шлемах-дождевиках, закрывающих пол-лица. Но

одно дело — видеть, пусть даже и очень ясно, а вот выйти из самолета и сразу нырнуть в этот промозглый холод... Да, ведь тут все наоборот, в ноябре зима наступает — снег, лед и тому подобное.

— Вилл, ты видел снег? Хотя бы в кино?

— Никогда. И в кино я никогда не был, — тихо ответил Виллиам, и его белые друзья молча переглянулись, сразу увидев жизнь, которая стояла за этим ответом.

Они сели в автобус. Ближайший час-полтора был определен заранее, и менять его не имело смысла, а вот дальше... Йен расхохотался, глянув на физиономию Дика.

— Тебя это шокирует, а?

— Нет, но хотел бы я знать, какого черта мне заниматься гаданьем? Я и по-французски-то плохо говорю!

— Иностраный акцент в таких случаях не мешает, а скорее помогает, — усмехаясь, сказал Йен. — А вообще-то неплохая мысль. Денег у нас и на неделю не хватит, да еще и одеться потеплей не мешает, а это гарантированный заработок, и объяснения придумывать не надо.

Виллиам, сидевший через проход, перегнулся к Йену.

— Осторожнее, — сказал он на африкаан. — Старик рядом со мной и двое за проходом понимают по-английски.

— Спасибо, — сказал Йен и начал убежденно и обоснованно ругать парижский климат.

Супружеская пара, сидевшая рядом, быстро потеряла интерес к их разговору. Муж начал думать об очень милой женщине по имени Сесиль, а жена вообще не поймешь о чем: об испортившемся замке чемодана, о салате с креветками, о черном кралоновом платье, отделанном самосветящимися нитями. Старик, сосед Виллиама, осторожно приложил ладонь к печени, разболевшейся в пути. Все эти люди были неопасны, а старику и жить-то оставалось недолго: в Париже он узнает, что у него рак печени. Но молодец Виллиам всегда настороже... Тут Виллиам поглядел на своих белых друзей, и они увидели, как он, согнувшись и придерживая раненую руку, петляет в лабиринте лачуг, сарайчиков, мусорных ящиков... прыгает в мусорный ящик, захлопывает за собой крышку.

— А дальше что? — спросил Мэллори. — Ты уехал?

— Да, пришлось удирать... Из Иоганнесбурга уехал в Преторию...

Физик и журналист молча смотрели на лицо своего спутника, пепельно-черное, как остывшая зола, и думали об одном и том же.

— Да, для нас с тобой эта история — форменный переворот, конец налаженной жизни и все такое, а для Виллиама это, в сущности, продолжение прежнего... Впрочем, да, ты прав, Виллиам, для тебя тоже все переменялось... Еще как переменялось...

Автобус привез их на площадь Инвалидов, там пассажиров ждали агенты гостиниц, и они согласились отправиться в гостиницу «У белого кролика» в районе площади Терн, и дребезжащее такси доставило их к облупившемуся четырехэтажному зданию на узкой грязной улочке, и над входом качался и громыхал на ветру белый кролик, вырезанный из жести. И комнаты были те самые, что они видели: узкие, темноватые, все три рядышком, на четвертом этаже, а под окнами — шиферная крыша соседнего трехэтажного дома, и по ней разгуливает тощий рыжий кот с удивительно хитрыми глазами.

— Видал, этот зверь даже подмигнул мне! — сказал Мэллори. — Может, он тоже Один из Нас?

— Все возможно, — сказал Йен. — Так я не вижу пока оснований менять естественный ход событий. Мы действительно позавтракаем в кафе на углу его и отсюда видно, потом отправимся в университет, разыщем твою кухню и профессора Карне.

— Послушайте, друзья, а мы кому-нибудь скажем об этом? — спросил Мэллори. — Получается ведь, что скажем.

— Действительно, — согласился Йен. — Да это и неизбежно: как мне говорить с профессором, ничего не объясняя, он же не младенец!

— Друзья, а вам не кажется, что это слабеет? — спросил Дик.

— Не кажется, — сразу ответил Йен. — Просто тут непривычная обстановка, и нам куда труднее ориентироваться, чем в Претории.

Они стояли в номере дешевой парижской гостиницы и переговаривались почти без слов.

— Нам ведь и подумать надо всем этим некогда было, — сказал Дик, и его собеседники молча кивнули.

— Как это вообще случилось? — думали они то молча, то вслух. — Почему именно с нами, мы ведь такие разные... Ладно, друзья, тут мы ни до чего не додумаемся, оставим это... Да, но интересно бы узнать, много ли таких, как мы... В Претории был еще этот... Питер, что ли... И еще кто-то... Да? Виллиам, ты ее знаешь? Значит, вот как получается: полицейские в машине говорят об этой самой Мэссон как о претендентке на Мисс Преторию, а Виллиам уже видит и знает, что она — из таких... Питера мы засекали по пути на аэродром... Можно сформулировать так: мы видим людей лишь тогда, когда их орбита каким-то образом пересекается с нашей... Не слишком точно: когда у меня это началось, я угадал, куда упадет шар, а какое мне дело было до студентов, играющих в гольф?.. Что ты хочешь, Дик, я же не автомат! Да, мне жаль всего, что было; и студентов и моей лаборатории, особенно теперь, когда я мог бы... Ну, конечно, и тебе есть о чем жалеть, и даже Виллиаму: родина есть родина, правильно. И вообще идемте: остальное на практике выясним понемногу...

Кузина Дика, строгая очкастая Сьюзен, с ходу потребовала, чтобы он написал статью «о принципиально возмутительной истории с нашим земляком», а Дик не выдержал и заявил, что этот самый Ханни Питерс — слюнявый наркоман, да к тому же и расист. И для примера сообщил, что Ханни делает в данный момент в ста метрах отсюда. Сьюзен не могла видеть того, что видели три ее собеседника, но она немедленно продемонстрировала неплохие результаты в беге на сто метров с препятствиями, и мозгляк Ханни Питерс отлетел к стене от ее увесистой пощечины, а

Сьюзен схватила за руку худого чернокожего парня и потащила за собой.

— Все же ты это зря... — заметил Йен.

— Выпутаясь как-нибудь, — смущенно ответил Дик. — Ты же видел: она в этого типа чуть не влюбилась за то, что он такой бедненький и несчастненький. А Сьюзен девушка хорошая, и я, как родственник...

— Он басуто, его зовут Джерри Саму, — сказал вдруг Виллиам, растянув губы в подобие улыбки.

— Вот и отлично, — неуверенно проговорил Йен.

— Я буду осторожен, — тотчас же заверил Виллиам.

Появилась Сьюзен в сопровождении чернокожего юноши и заявила:

— Благодарю, Дикки, ты был прав! Иногда я жалею, что не стала журналисткой: вы так много всегда знаете, так много можете сделать полезного!

Потом она представила всем Джерри Саму из Басутоленда и строго спросила его:

— А почему ты никому не сказал о проделках Питерса? У вас на курсе есть вполне подходящие парни.

— Я и сам улажу это дело, — вежливо улыбаясь, сказал Джерри, и друзья переглянулись, увидев, как именно он рассчитывает уладить это дело, а Виллиам сделал жест, показывая, что он займется этим парнем.

Потом Йен пошел к профессору Карне — тот жил поблизости, на улице Суффло, а остальные отправились покупать теплые вещи.

Йен познакомился с профессором Карне года два назад, на конференции в Лондоне, и с тех пор они изредка переписывались. Сейчас, шагая по улицам Латинского квартала, Йен думал о профессоре — и увидел, как он сидит в своем кабинете, неловко и странно поджав правую ногу, а перед ним на столе — уравнение... Уравнение, которое почему-то вызывает у него страх, тревогу, почти физическую боль.

И вдруг Йен остро, с тоской и отвращением ощутил свою отъединенность от мира. Так же остро, как в тот пер-

вый миг, когда это началось, а он стоял в своей лаборатории...

Но почему сейчас? Холод и пустота внутри — и эта беспощадная, безграничная ясность мысли. Лица прохожих контрастно четки, как на передержанной фотографии, они просматриваются насквозь, но это неинтересно, не а этом дело, и вот словно тают стены домов, просвечивая, как зеленоватое стекло, и расплываются, редуют лохматые серые тучи, и за ними открываются вся безграничность мира, просторы космоса... Ах, так вот в чем дело, а я-то и не знал, давно же мы не переписывались с Карне... Вот оно что! Капитан «Лютеции» Фелисьен Карне, Счастливчик Карне, надежда и гордость Космической Франции, а для профессора это младший брат, малыш Фелисьен, которому он заменил и отца и мать... И Фелисьен погибает, а он, всегдашний его защитник, всеильный старший брат, ничем не может помочь, не может даже понять, что случилось...

Держится-то он молодцом, Жан Карне, старший брат. Осунулся, лицо серое, под глазами темные круги... Еще бы, три бессонные ночи, голубые таблетки стимула, одна за другой, отчаянные поиски ответа, разгадки, спасения. «Малыш, потерпи еще немного, держись, малыш, я помогу, я должен помочь, я должен... Мне бы только понять, что все это значит, только бы понять...» Но это — про себя, как заклинание, а вслух он говорит совсем другое, ровным таким голосом:

— У них все благополучно, связь отличная, идут по заданной траектории, отклонения несущественные, да, все в порядке, благодарю вас, коллега.

— Понятно, — пробормотал Йен.

Но он тоже пока ничего не понимал. Он видел это пятнами, просветами, словно клочки голубого неба в разрывах густых туч, но этих разрозненных пятен не хватало, чтобы воссоздать всю картину. Картина, оказывается, уж очень сложная, до чего же она сложная и трудная, черт, ах, черт, вот это настоящая задача, не то что детские забавы с Растерсом и полицией. А за ответом на эту задачу уже встает, непонятно почему, другая, насущно важная для те-

бя самого, для нас, и никак все это не поймаете, прямо стонать хочется от нетерпения... Будто забыл какое-то самое обычное и самое необходимое слово, и никак оно не дается, а тебе оно позарез нужно... Ну, что за чертовщина!

Ладно, попробуем еще раз сопоставить данные. «Лютеция» находится в космосе уже шестьдесят девять дней. И вроде все в порядке. Траектория выдерживается отлично, в пределах расчетных ошибок, с каждым днем корабль приближается к Венере — свободным полетом, практически без ускорения. «Лютеция» превосходно просматривается с Земли радиотелескопами. И данные автоматических бортовых приборов вполне подтверждают земные наблюдения. Однако уже трое суток корабль терпит бедствие, и ни черта нельзя понять. Капитан Карне передает, что у них двойное ускорение, что на корабле бортовые приборы показывают совсем иное, и именно эти показания истинны, а не те, что попадают на Землю. Например, пульс у капитана Карне не семьдесят, как передает на Землю кардиограф, а сто пятьдесят. Астрофизик Ришпен трое суток ничего не ест, состояние у него полуобморочное. А самое страшное, что в иллюминаторы и телескопы они не видят ничего. Ни Земли, ни звезд, ни Венеры. Пространство, мерцающее лиловыми переливами. И еще «несколько ярких точек в пучностях свечения, яркость — минус пятая звездной величины, количество неопределенное, около десяти точек». Так... Нет, этого, безусловно, мало, нужны дополнительные сведения. Ах, черт, и объяснять некогда...

— Вам плохо? — с беспокойством спросил профессор.

— Плохо не мне, — решительно сказал Йен, глядя прямо в глаза профессору, — а Фелисьену, и я могу помочь, если вы не будете бояться и согласитесь несколько отложить объяснения.

Профессор Карне откинулся назад и прерывисто вздохнул, словно от сильной боли.

— Я... простите, я вас не понимаю, — еле выговорил он.

— Послушайте, — сказал Йен, обрывая нить его лихорадочных размышлений. — Поверьте пока в чудо. И в то, что я ни вам, ни вашей стране не причину никакого зла.

Когда я шел сюда, вы составляли уравнение... нелинейное уравнение, описывающее некую туманность... Ну поймите, что я не мог этого узнать ни от кого, вы еще никому об этом не говорили, и вы захлопнули бювар, когда вам положили обо мне. Ну при чем тут шпионаж, бога ради, опомнитесь, мы же ученые, да и тайна-то копейку стоит: ведь не скроешь от мира, что «Лютеция» погибла, а она погибнет, если мы не вмешаемся... Только не пугайтесь, я потом все объясню, а пока дайте ваши заметки... Ну и отлично, и верьте мне... Минуту... Ну, конечно! А, черт, ручка... в самолете протекла... Ага... но зачем так долго?... Вот оно, в обозримом виде, вот и решение. Это не туманность, дорогой коллеги! Такой туманности не существует.

Профессор осторожно взял листы с поправками Йена. Несколько минут Йен ловил его мысли, выхватывая из них недостающие подробности. Жан Карне был в эту минуту физиком, только физиком, и теперь мысли о Фелисьене звучали тихо, еле слышно: «Фелисьен, мой бедный малыш Фелисьен...»

Профессор Карне положил листы на стол и выпрямился.

— Это гениально, — тихо и почти спокойно сказал он. — Это гениально. Но я ничего не понимаю. Как это возможно? Это... и все другое... — Йен увидел, что ему опять стало страшно. — Может, вы все же объясните, я не могу так, это слишком серьезно.

— Объясню. Очень хочу объяснить. Только позже. У Фелисьена опять кровь носом пошла... Я понимаю, что это жестоко, не сердитесь. Но медлить нельзя, вот я к чему. Перестаньте бояться. Окончательно перестаньте! На этом уровне уже не место подлостям, вы же сами понимаете. Вот и отлично. Дайте мне их траекторию, показания приборов... Да поверьте же, черт возьми! А главное, подробно расскажите, что они видят и ощущают. Все, что знаете об этом. Скорее!.. Через час они выходят на связь.

Наконец подействовало: Карне начал рассказывать. Сначала скованно, запинаясь, а потом с нарастающим ощущением чуда, с полным доверием. Он помнил каждое слово

передач за эти трое суток, а записи приборов принес с собой из Космического Центра — в фотокопиях, конечно, по особому разрешению; он привык работать дома. Он говорил, а Йен вздыхал с блаженным облегчением — все становилось не место. Он уже придвинул к себе записи и помчался по их листам — туда, за миллионы миль, в черное пятно на небе, в черный провал, перекрывающий звезды. Конечно, астрономы его не замечали, — да и есть ли у него вообще размеры с точки зрения земного наблюдателя?

— Видите ли, коллега, для людей на «Лютеции» этот Сверток практически не имеет размеров. А мы видим его размазанным чуть ли не до самой Венеры... Парадокс Гейзенберга в чистом виде... А корабль как бы скользит по внутренней поверхности Свертка, с ускорением два «g». Чтобы судить о вкусе пудинга, надо его съесть. Чтобы узнать свойства иного пространства, надо войти в него. «Лютеция» вошла в свернутое пространство, стала его частью и мчится внутри него, продолжая свой путь к Венере, и в то же время не трогаясь с места, вернее, обращаясь вокруг одной точки, как спутник несуществующей звезды. Лопаются кровеносные сосуды, скачут стрелки приборов, но радиоволны, несущие истину того пространства, входя в наше пространство, оборачиваются его истиной, и пульс сто пятьдесят пересчитывается как пульс семьдесят, а иконоскопы, вбирая лиловую пустоту, передают на Землю нормальную звездную картину...

— Вот, — закончил Йен. — Двенадцать полюсов вращения, двенадцать ярких точек. Он сказал: около десяти? Их двенадцать. Надо включить двигатели «Лютеции», коллега. Ничтожный импульс — и они оттуда выскочат. Ноль одна в течение десятка секунд — этого хватит. Включить надо с Земли. Я знаю, что сами они не решатся пустить ускорители...

Но что-то еще не давало ему покоя.

Профессор Карне уже выводил машину из гаража, а Йен Абрахамс просчитывал энергию, излученную Свертком, когда корабль вошел в него со стороны Земли.

Вот оно что! Вот что случилось в двадцать два ноль пять Гринвича, именно тогда, когда Йен Абрахамс и остальные у в и д е л и в первый раз. Вспышка. Незримая стая корпускул ринулась к Земле, когда она была обращена к Свертку...

Незачем было листать справочник. Трое суток назад в двадцать два часа Земля была обращена к черному пятну своим черным пятном — Южной Африкой.

Йен возвращался в гостиницу поздно вечером. Было по-прежнему холодно и сыро, но дождь перестал, поэтому Йен не спустился в метро у станции Клюни, а пошел по бульвару Сент-Мишель к набережной Сен-Огюстен, по Новому мосту перешел на тот берег и зашагал мимо Лувра и Тюильрийского сада к площади Согласия. Просто необходимо было подышать свежим воздухом после всего этого.

«Лютеция» вырвалась в нормальное пространство, все вздыхают с облегчением, свалив непереносимую тяжесть; профессор Карне собирается глотнуть хорошую дозу снотворного, чтобы отоспаться и утром на свежую голову заново поговорить с Йеном Абрахамсом обо всем. И о том, кстати, что же делать самому-то Йену и его друзьям.

Йен невесело усмехался и покачивал головой в такт своим мыслям. Конечно, профессор изо всех сил постарается удержать коллегу Абрахамса тут, в Париже, то ли при Космическом Центре, то ли в системе Академии естественных наук, в какой-либо лаборатории. Он и сейчас-то боялся его отпускать в гостиницу — как бы не случилось чего по дороге либо в этой дыре... «Но, дорогой коллега, там невозможно жить, там ничто не изменилось с тридцатых годов, помните, в романах Ремарка, ну, вот видите, даже улица Понселе, она там упоминается». Н-да, дорогой профессор, кто же спорит, это самый естественный для меня путь и самый привлекательный, вы это понимаете. А не понимаете вы другое — то, что и я, пожалуй, еще не вполне усвоил, уж очень не хочется мне это усваивать, жутко мне делается, как об этом подумаешь. Никогда мне

уж не вернуться, вот это надо понять. Не в Преторию, черт бы с ней, с Преторией, — тут работа несравнимо интересней, — а вообще в прежнюю жизнь, в нормальную человеческую жизнь. Эта штука в два счета будет вышибать меня с любой намеченной орбиты, вот в чем все дело. Слишком сильное возмущающее влияние...

Йен вдруг остановился — так ему стало тоскливо и жутко. Вереницы фонарей сияли на площади Согласия, и ночное небо казалось непроницаемо черным и замкнутым, будто плотный купол, прикрывший Землю. Но ни черта оно не прикрывало: пробился же сюда, на дно голубого воздушного океана, проклятый поток корпускул из иного пространства! Для них не было никаких преград, они незримо пронизали плотную земную атмосферу, крыши и перекрытия зданий, глубины океана, неощутимо прошли сквозь планету. Но на пути некоторых из них оказались люди — и частицы пронизали их черепные коробки так же легко и бесцельно, как пронизывали камень и металл, атмосферу и воду. Ты оказался на их траектории, ты и другие, только и всего. Можно оказаться на траектории шальной пули и получить ее в голову, так и не успев понять, что с тобой случилось. Это зависит от везенья. Кому повезет, тот и... Постой, а чего ты, собственно, расхныкался? Хлюпик ты, Йен, вот что, не ожидал я от тебя. Ученый ты или нет? Почему бы тебе, например, не подумать как следует, что же произошло с твоим мозгом во время краткого визита гостей из Свертка? А в самом деле — что? Например, мгновенная мобилизация резервов? Неизвестно ведь, зачем существуют эти гигантские резервы в нашем мозгу. И неизвестен их пусковой механизм. А частицы из Свертка попутно, случайно нажали на какую-то неизвестную кнопку — и вот вам, пожалуйста. Появились на Земле пророки. Как в библейские времена. Правда, библейские пророки никаких открытий вроде не совершали, но что с них возьмешь, с этих бородачей, уровень был не тот, если они что и видели, так ни понять, ни людям растолковать не могли. А что, неплохая теория... Вот возьму да завещаю свой мозг нейрофизиологам и кибернетикам, пускай выяснят, что да

как, пускай люди научатся пользоваться этой своей запечатанной сокровищницей... Похоже на истину... Нет, хватит, тут уж я совсем плохо разбираюсь и нечего мне над этим голову ломать, отключусь-ка я, в подражание библейским пророкам, если они и вправду... Ну, словом, хватит. И вообще — холод, туман какой-то проклятый надвинулся, фонари еле светят, а в гостинице меня ждет немислимо пушистый свитер, ух, до чего теплый, наверное!..

— Эй, такси! Мне на улицу Понселе. Поскорее, приятель, меня друзья ждут.

Имя писателя-фантаста и популяризатора науки и техники Анатолия ДНЕПРОВА хорошо известно читателям.

Он автор научно-фантастических рассказов «Сузда», «Крабы шагают по острову», «Уравнения Максвелла» и др.

4

Анатолий ДНЕПРОВ

Питер Брейген обладал достаточно здравым смыслом, чтобы не осложнять своего положения. Но пока он «делал деньги», положение осложнилось само собой. Акции «Африкандер Миннерс», упавшие после статьи Ричарда Мэллори, продолжали падать. Зоркое око биржи отметило важный факт: Брейген продал все свои акции в момент наивысшего подъема, не ошибившись ни на один пункт. Следовательно, он заранее знал о статье Мэллори. «Брейген красный!» — завопили некоторые. Другие пока что молча-

ли. Но всем казалось, что Мэллори и Брейген — звенья одной цепи...

Фактически так оно и было. Дар предвиденья осенил их обоих. Но Питеру была ужасна даже мысль о таком сопоставлении. Вместо богатства ему грозила деловая смерть — самое страшное для биржевика. Питер не думал, что с ним расправятся физически, теперь у всех руки коротки, но биржа, биржа!

Он яростно работал до полуночи, отыскивая выход. В двенадцать понял, что его мозг уже выжат, и принял две таблетки снотворного — в и д е н и е было отчаянно утомительной работой.

Утром, за три часа до встречи Мэллори и Абрахамса, он забежал в кафе и позвонил своему старому знакомому, Вильбэнку.

Отставной полковник Вильбэнк в молодости сам себя называл «колониальным разбойником», и эта кличка сохранилась за ним до сих пор. Он имел обыкновение неожиданно появляться там, где его меньше всего ждали, а после исчезать на неделю-другую «на охоту», хотя в его охотничий азарт никто не верил.

— Вильбэнк, я надеюсь, вы не собираетесь стрелять львов в ближайшие сутки?

— А, Питер! Я ждал, что вы допрыгаетесь. Что это за история с «Миннерс», в которую вы влипли?

— В эту историю трудно было не влипнуть. Впрочем, об этом потом. Я хотел бы с вами выпить рюмку-другую...

Они встретились в кафетерии аэровокзала. Здесь можно было поговорить наедине, не будучи потревоженным ни назойливыми официантами, ни бродягами, выпрашивающими подавание, ни чистильщиками ботинок.

Питер начал издали:

— Мы живем в мире, полном неожиданностей и опасностей. Они нас подстерегают за каждым углом...

Полковник улыбнулся и тронул Питера за плечо:

— Пит, мы знаем друг друга давно. Сейчас не время философствовать.

— Увы, честное слово, я не могу придумать другого начала. Вильбэнк, вы слышали про машины, которые могут предсказывать будущее?

— Вы собираетесь вложить в них свой капитал? Тогда вы банкрот.

— Нет, не собираюсь. Да они мне и ни к чему. Эти ящики, набитые проволокой и лампами, не в состоянии предсказать даже исход футбольного матча. А это не самые важные предсказания.

Полноватое, розовощекое лицо полковника изобразило растерянность. Уж от кого-кого, а от Брейгена он меньше всего ожидал философских речей. Это его насторожило.

— Дело, Вильбэнк, сложнее... Что бы вы сказали, если была бы организована компания или что-нибудь в этом роде, которая бы занималась... которая бы...

Полковник сощурил глаза. К чему это клонит Питер Брейген, мошенник из мошенников?

— Уж не имеете ли вы в виду, Пит, компанию ученых идиотов, которые предсказывают судьбы человечества, делая на бумаге какие-то вычисления?

— Опять не угадали. Речь идет о совершенно безошибочном угадывании.

— Раз угадывание, значит оно уже не безошибочное.

Питер Брейген, кроме того, что он был мошенником, обладал еще изрядной дозой тщеславия и поэтому в подкрепление своих туманных рассуждений решил поразить полковника. Он уставился на него, как гипнотизер на пациента, и произнес трагическим голосом:

— Полковник Вильбэнк! Посмотрите на ваши часы. Ровно через минуту в это кафе войдет молодая особа в яркоморанжевом платье, она работает в Центральном телефонном бюро, звать ее Эвелина Шейл, и она закажет коньяк и холодный кофе.

— Вы назначили ей свидание?

— Нет, она меня не знает. И вас тоже...

— Допустим... Но...

— А через три минуты подкатит черный «кадиллак» с двумя сотрудниками из полицейского управления. Один из них вас знает...

— Это уж слишком, Брейген...

— Оглянитесь, полковник!

Ярко-оранжевое платье и черный «кадиллак» появились в назначенный момент. Полковник перевел взгляд на Питера.

— Что все это значит, Брейген?

— А еще я могу вам предсказать, что завтра вечером у вас свидание с высокопоставленным иностранцем и вы будете с ним обсуждать...

— Тес! Вы с ума сошли! Вы... Вы...

Брейген с нескрываемым наслаждением смотрел на перекосенное лицо Вильбэнка.

— А что касается вашей старшей дочери Ритчи, то сейчас она...

— Перестаньте, прошу вас! Откуда вы все это?.. Или я просто сплю и мне все снится?..

— Нет, вы не спите, полковник. Я мог бы вам продемонстрировать еще несколько подобных предсказаний.

Водворилось минутное молчание, в течение которого полковник пристально рассматривал Питера.

Брейген был прав. Он поставил «на ту лошадь», и полковник быстро сообразил, что ему нужно делать.

— Какой секрет вы хотите мне продать? — спросил полковник. — Акции «А. М.» мне уже стоили довольно много.

Литер наклонился через стол и начал быстро шептать на ухо Вильбэнку.

Его план был прост. Необходимо убрать Мэллори. Только Мэллори мешал ему — так казалось Брейгену. Убрать проклятого журналиста, и Питер один будет владеть Аладдиновой лампой. Фрона Мэссон не в счет.

Насчет Фроны у него были тоже вполне определенные планы.

Она была наедине с **вѣдением**... Фрона должна быть на его стороне! Питер видел, как она открывает ему дверь небольшой квартиры на Инглиш-Бридж, как проводит его в

уютную гостиную и как отвечает ему на его молчаливый вопрос:

— Я согласна, мистер Брейген... Я давно хотела повидать мир...

Эта воображаемая сцена несколько озадачила Брейгена. Он, честно говоря, не собирался пока «повидать мир».

— Избавьте нас всех от Мэллори, полковник! — говорил он тем временем. Я предвижу, что через месяц-другой акции «А. М.» снова начнут подниматься.

— Ричард Мэллори, ах, Ричард Мэллори!.. — сказал полковник Вильбэнк. — Значит, он идет в клуб, голубчик? Попробуем его накрыть. Вы со мной, Питер?

Брейген вежливо отказался. Стрельбу, лучеметы и прочие глупости он не любил. Напомнив, что с Мэллори надо держать ухо востро, он удалился несколько успокоенный.

Так предвиденье Питера Брейгена дало осечку в первый раз. Мэллори объединился с Абрахамсом и ускользнул от убийц из «А. М.».

Вильбэнк телефонировал ему на дом о неудаче — Брейген кинулся в полицию и чуть руки себе не изгрыз от ярости. Мэллори исчез. Питер не видел, где прячется проклятый журналист. Это была вторая осечка. И лишь на следующее утро после происшествия с Растерсом он вновь смог контролировать события и подготовил новый план действий, третий по счету. Компанию «красных» должны были взять на шоссе живыми, поскольку в дело вмешалась полиция.

Теперь Питер знал, что без Фроны ему не обойтись. Эта девушка, сидя у себя дома, действительно предвидела всю цепь событий до самого конца и знала, что им придется «повидать мир»! В середине дня Питер помчался к Фроне, и она произнесла свою фразу: «Я согласна...» и так далее.

Когда самолет с Мэллори, Абрахамсом и Йоришем на борту поднялся в воздух, был приведен в действие четвертый план, на котором Фрона настаивала с самого начала. Они отправились на свидание с полковником вместе.

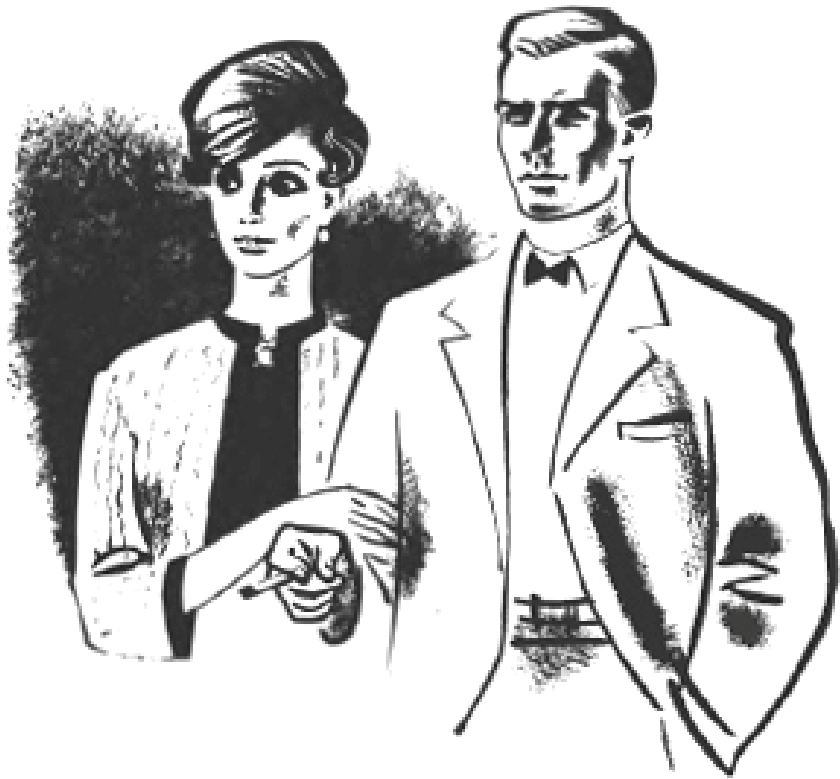
Встреча прошла именно так, как ее предвидели Питер и Фрона. Пришлось продемонстрировать свои способности, причем бородастый иностранец упрямо думал, что ему втирают очки какие-то местные авантюристы. Тогда Фрона рассказала иностранцу кое-что о его жене, детях и еще об одной даме из Филадельфии.

Договор был заключен, а через два дня «Суперконстейн» уносил очаровательную блондинку и ее элегантно-го спутника далеко на север... Это была волнующая туристская поездка двух молодых и богатых людей. Фрона долго и тщательно выбирала наряды для этого путешествия.

— Питер, вы не знаете, что носят невесты в России зимой?

Фрона кокетничала. Она великолепно видела каждую деталь туалета русских девушек. Она воистину была специалисткой по нарядам. Но оба они, и Фрона и Питер, плохо разбирались в науке, особенно в космической. А всем известно, что предсказать то, чего не понимаешь, очень трудно.

Брейген хорошо понимал, что торговля секретами — одно из самых выгодных дел. Теперь он воочию убедился, насколько это и опасное дело. История с «А. М.» его многому научила. Он желал безопасно наживать свои деньги и получал такую возможность, договорившись с иностранцем. Договор был несложен. Питеру обещали гражданство в стране миллионеров и официальное разрешение на скромный бизнес — собственную фирму по торговле секретами. Любыми секретами, кроме военных и государственных секретов страны. В пределах определенной суммы он сможет и играть на бирже, причем биржевых советов никому давать не должен, таково условие. Сверх того Брейгену обещали избавить его от парижской тройки. Приметы и фотографии всех троих добыл для иностранца полковник.

Взамен от Питера и Фроны потребовали обыкновенного шпионажа. Они обязались вызнать конструкцию новейшего ракетного двигателя у русских. Сложность задачи заключалась в том, что даже имени изобретателя никто не знал на Западе. Предполагалось, что изобретатель живет в Москве, и только. Но молодая пара была настроена оптимистически: Питер надеялся на феноменальные способности Фроны.

Фрона была в восторге от московской зимы, и Питера часто тревожила мысль, что девушка, увлеченная бурной жизнью незнакомого города, его голубыми катками, снежными горками и лыжными треками в сказочных лесах, забудет о главной задаче.

Питер сам не знал, чего он хочет от Фроны. Дело не ладилось. Оказалось, что в чужой стране трудно видеть. Тысячи людей их окружали, у Питера прямо-таки разбежались глаза от множества лиц, в которых он узнавал людей науки и техники. Но какой науки и какой техники — вот вопрос... Провидение надо было наводить на след, как ищейку, иначе оно действовать не желало. И на третий день Питер прибег к испытанному способу. Он добыл справочник Академии наук — полный перечень академиков и членов-корреспондентов, вооружился словарем с русской азбукой и начал читать книгу подряд. Как в памятный день он читал список претенденток, как смотрел на бегущие строчки биржевого табло...

Вот оно! Александр Ильич Воинов, член-корреспондент, адрес, телефон. Космические науки... Точнее, точнее! Здесь Питер запутался. Александр Воинов ощущался как специалист по межзвездным полетам, а Питер ничего не знал о звездах. Светят, мигают, что еще? Он попробовал представить себе межзвездную пустоту, увидеть ее, как он видел траектории рулеточного шарика и лихорадочный пульс биржевых индексов. Он закрыл глаза, привычно прикрыл их рукой и увидел. Как будто одно это имя, «Александр Воинов», уже означало очень много — Питер Брейген видел ледяную бесцветную пустоту, пронизанную невообразимо крошечными частицами — прямые, как дороги

среди вельдта, траектории. Неслышимые катастрофы, беззвучные столкновения. Время, подобное фиолетовой волне, двинулось вспять, из его мерцающих глубин выпорхнул пучок частиц и ударил прямо в глаза. Это было страшно.

...Брейген подозвал Фрону и показал ей справочник. Воинова надо было заполучить во что бы то ни стало. Заполучить, найти среди миллионов людей, выудить... Для постороннего наблюдателя они представили бы забавное зрелище — мужчина и женщина, сидящие, закрыв глаза, над раскрытой книгой. Питеру мешала видеть пугающая картина пустой вселенной, от которой он никак не мог отделаться. Первой сработала Фрона.

— Я думаю, он красивый парень. Определенно красивый. Хорошо одевается... Танцевать не умеет.

Питер сердито фыркнул.

— Что ты сердишься, милый? Я всего лишь женщина. Сегодня же я смогу с ним познакомиться, да-да! Может быть, не надо с ним знакомиться?

Он опять фыркнул. Личное знакомство было нежелательно. Тем они и отличаются от банальных шпионов, что им не надо искать знакомства, выспрашивать, подслушивать, вскрывать сейфы. Но было уже ясно — видение требует хоть какого-то контакта, хоть самого эфемерного, а затем уже начинает действовать.

— Где ты познакомишься с Воиновым?

— В картинной галерее, рядом с бассейном. Он придет на выставку молодых французов через час-полтора.

— Хорошо, — сказал Питер. — Придется знакомиться.

...Фрона вернулась возбужденная, раскрасневшаяся от мороза.

— Там! Он внизу! Он очень много знает о межзвездных полетах, но я ничего не понимаю. Ты спустишься к нему?

— Он охотно поехал тебя провожать?

— Конечно. Он ищет какую-то формулу, Пит. Ломает голову над... ну, не знаю, над чем. Над «фотонным пучком». Бессмыслица. За светской болтовней он отдыхает...

— Пошли!

Фрона переоделась и вышла вместе с Питером в просторный холл. Молодой человек смущенно улыбался, пожимая руку новому знакомому.

Вот он — физик, специалист по космическим двигателям. Он подробно расспрашивал девушку и ее спутника о жизни в далекой Претории и вообще об Африке, о которой у него были, как он сам сознался, примитивные представления из школьных учебников географии. Потом Фрона рассказала, что ей, самой красивой девушке Претории, предложили принять участие в телевизионной передаче, где бы она встретилась с московскими девушками. Студия не предлагала никакой программы, просто поговорить «за жизнь», задавать вопросы друг другу и отвечать на них.

— Что бы вы хотели от меня услышать? — спросила Фрона.

— Прежде всего я хотел бы вас увидеть на экране телевизора. А услышать? Ну, это ваше дело. Но, конечно, только правду.

— Вряд ли будет интересно слушать женскую болтовню.

— Напрасно вы так думаете. Я несколько раз встречался с иностранцами, и у меня всегда складывалось впечатление, что женщины за рубежом, как правило, откровеннее и честнее мужчин.

— А вы мастер говорить комплименты, — расхохотался Питер. — Я думаю, что нам не имеет смысла стоять здесь, в холле, пойдемте лучше в ресторан.

Усаживаясь за столик, Питер подводил свои первые итоги. Его забавляло то, что он заранее знал, как Воинов посмотрит на Фрону, как он придвинет к ней стул и как с увлечением будет говорить о выставке, на которой они познакомились с мисс Мэссон.

— Что вы ни говорите, а в современной живописи что-то есть. Может быть, эти художники только ищут, но путь, по которому развивается их искусство, мне нравится. Абстракционизм?

Воинов задумался, глядя мимо Брейгена.

— У нас, ученых, иногда бывает своя абстракция... У нас в университете был чудаковатый профессор математики, который всегда просил студента «нарисовать формулу»... Раньше я думал, что это всего лишь словесная фигура, а позднее я сам начал воспринимать математические формулы как чудесные картины... Например, совсем недавно я познакомился с формулой одного ученого... Формула, объясняющая необходимость этих космических бездн, или, как он их назвал, векторных стоков... И вот что странно...

Воинов опять задумался.

Фрона смотрела с ужасом на то, как в его мыслях возникает математический рисунок, который она не понимала, но уже знала заранее: как картину, как гениальный набросок мастера. Это был решающий момент. Они начали видеть — они уже знали, что подобные рисунки лежат в рабочем столе Воинова. Сейчас каждое движение ученого говорило им так много, что они не успевали запомнить все. Теперь непосредственный контакт становился вредным — приходилось поддерживать разговор.

— Вы говорите, западный ученый?

— Да.

— Его фамилия Абрахамс?

— Да.

Только сейчас Воинов понял, что его спрашивают о том, что известно немногим специалистам. Он поднял на Питера удивленные глаза и спросил:

— А вы знаете этого человека?

— А как же! Это мой хороший приятель, кстати, тоже из Претории. Сейчас он во Франции. Говорят, что космолет «Лютеция» был спасен Абрахамсом...

Да, Воинов знал эту трагическую историю, одну из немногих историй, когда для спасения людей пришлось обратиться к абстрактным понятиям, абстрактным рассуждениям, почти философским догадкам. Сколько их еще будет, этих неожиданных космических открытий, которые не раз заставят ученых изменить свои представления о пространстве и времени! Космическая бездна слишком огромна, чтобы быть вместилищем простых загадок.

— О доктор, вы фантазер и романтик!

Фрона подарила одну из тех обворожительных улыбок, которые принесли ей славу первой красавицы.

— В моей науке нельзя не быть фантазером и романтиком. А мистер Брейген неплохо осведомлен о космических делах.

— Пресса, дорогой доктор, я люблю читать газеты и кое-что извлекаю. Вот последний номер «Либерасьон». — Питер вытащил из кармана газету и протянул ее Воинову.

Действительно, на второй полосе жирным шрифтом сообщалось о том, что совместный эксперимент — полет французского и советского космических кораблей — проходит успешно. Экипажи изучают «тонкую структуру» пространства. Воинов просмотрел газету без особого любопытства, свернул ее и положил на стол. В этот момент Питер увидел с необыкновенной ясностью, что Абрахамс падает, сраженный двумя пулями. Наконец-то!

— Что вы думаете об этом полете, док? Ваш корабль дойдет до Венеры?

Он мямлил что-то еще, и Фрона перебила его капризным восклицанием:

— Стоит ли об этом говорить? Право, я хотела бы послушать что-нибудь о вашем искусстве, музыке... А то все наука, наука!

Фрона была хорошей партнершей. Она останется с Воиновым в ресторане, а Питер поднимется в свой номер и сможет видеть без помех...

Брейген бодро раскланялся с русским и взлетел на лифте, как на крыльях. Он уже видел рисунки и формулы, записанные острым, четким почерком. Скорее к блокноту! Скорее, скорее!.. Вот что значит удача, смекалка, смелость... Питер лихорадочно исписывал страницу за страницей, у него уже сводило пальцы. А в ресторане Воинов улыбался и смотрел на Фрону. «Пусть смотрит. Работа требует жертв, — подумал Питер Брейген. — Пока что мы избавились от коллеги Абрахамса».

Наталья СОКОЛОВА первую книгу прозы «Нас четверо» выпустила в 1961 году. Последние годы писательница работает в жанре фантастики (повести «Пришедший оттуда» и «Захвати с собой улыбку на дорогу»). Сейчас она заканчивает цикл фантастических рассказов, сюжетно связанных с ее последней повестью. Наталья Соколова — член Союза писателей.

5

Наталья СОКОЛОВА

Он отчаянно переутомился тогда в Париже — пока вырuchал из беды «Лютецию», После этого Йен проспал почти трое суток. А когда проснулся оказалось: не то что предвидеть, но даже просто думать он может с трудом. Процесс мышления, казалось, причинял физическую боль. Видно, сказывалось нечеловеческое напряжение изнурительных часов, когда судьба французского космического корабля была в его руках.

Понемногу физику становилось легче — он возвращался к норме. Стал даже производить кое-какие расчеты, говорил, что соскучился по настоящей работе. Было решено, что Йен отправится на дальневосточную станцию слежения за полетом «Лютеции». Русские очень звали к себе Йена Абрахамса; молодой физик Воинов писал, что будет счастлив с ним встретиться, сотрудничать.

Правда, Йен побаивался за товарищей, хотел взять их с собой. Но Дик, газетчик до мозга костей, уже завязал сношения с левой парижской прессой и бойко строчил по-французски статьи, не стесняясь своих ошибок, с ходу превращая любой правильный глагол в неправильный. А Виллиам... О, с негром все обстояло сложнее. Он чувствовал себя вдали от родины бездеятельным, бесполезным, мечтал о возвращении, о продолжении борьбы и согласен был выехать из Парижа только в одном направлении: на юг, к Средиземному морю и дальше, к берегам Африки.

...В удобном глубоком кресле сидела женщина лет пятидесяти, худощавая, с горбоносым профилем, темными глазами и сединой в коротко стриженных иссиня-черных волосах. Она превосходно говорила по-английски.

— У вас такое произношение, — сказал Йен Абрахамс, — точно вы родились и росли в туманном Лондоне.

Она усмехнулась.

— Я осетинка... и родилась высоко-высоко в горах, куда даже орлы залетают с трудом.

— Значит, ваше красивое странное имя...

— Да, Заира — это осетинское имя. — И она продолжала рассказывать о своих научных изысканиях, которыми занималась здесь, в сибирском Городке Науки, в своем пахучем и певучем деревянном доме, куда Йен был приглашен на чашку кофе. — ...Что, собственно, нас натолкнуло на эту мысль? Мифы, предания. Почти у каждого народа можно найти героя, который умел предвидеть, предсказывать будущее.

— Например, Кассандра? — спросил Йен.

— Да, и она. Кстати, вы задумывались когда-нибудь над этой трагедией? Боги наказали ее, и никто не верил ее предсказаниям. Удел многих, опередивших свое время... Но я хотела сказать не о ней. И не о Дельфийском оракуле. Накануне персидского вторжения пифия предрекла афинянам, что их спасение в деревянных стенах. Иначе говоря, что они должны покинуть город и сесть на корабли... Кто поймет — действительно ли это попытка заглянуть в будущее или просто разумный тактический совет? Но вот сивиллы... Вы много знаете о сивиллах?

— Очень мало, — сознался Йен, припоминая. — Кажется, их рисовал Микеланджело на потолке Сикстинской...

— Сивиллы! Что-то неясное, древнее, овеянное тайной. — Заира понизила голос, глаза ее азартно заблестели. — Величавые женщины-пророчицы, принадлежащие разным временам и народам. Их признавала даже христианская церковь, хотя жили они задолго до христианской эры. Платон знал одну сивиллу, Аристотель — несколько, римляне — десять. Эти прорицательницы ведали будущее и темное прошлое, оставшееся скрытым от людей, безошибочно предсказывали исходы войн, открывали преступления и карали убийц; их короткие, часто стихотворные предсказания сотрясали троны, меняли границы царств. Откуда могла взяться эта могучая порода? И почему именно женщины? Ответа нет. На обломке древней глиняной чаши начертано: «Халдейская сивилла Сабба предсказала: когда Раб поставит стопу на Вторую от Солнца, имя которой Фосфор, то он перестанет быть...» На этом текст обрывается.

— Вторую от Солнца? — Йен удивленно поднял брови. — Но позвольте, для землянина любой эпохи это...

— Да, вы правы, Венера. Древние наименования Венеры: Фосфор, Люцифер, Геспер, или Веспер. Это пророчество особенно интересно сейчас, когда корабли приближаются...

Ироническая улыбка тронула узкие губы Йена, приподняла уголки его большого подвижного рта.

— Вот как! Вавилонские мудрецы, оказывается, предсказали, вычислили, рассчитали космонавтику, — сказал он легким тоном, переводя разговор в шуточный план.

Однако шутка Йена как-то не прозвучала. Во всяком случае, миссис Заира не приняла ее.

— Вы улыбаетесь? — Она покачала головой. — Ну, хорошо. Не стану вам говорить о Великом Кройаме островитян Торресова пролива. О вещем богатыре Вольге. О древних кельтах и их друидах. Расскажу только одно. У повелителя ацтеков Монтесумы были оракулы, которые за несколько месяцев до прихода испанцев предсказали их появление. Описали корабли с парусами, белокожих бородатых воинов, закованных в металл, странных четвероногих животных — лошадей, дымящиеся палки, сеющие смерть. Больше того, они дали хотя и довольно общее, наивное, но правдивое описание испанского государства XVI века и даже назвали несколько имен, в том числе королевы Изабеллы и Эрнандо Кортеса... Что вы не это скажете?

Йен ничего не ответил, только слегка пожал плечами. Но слушал он внимательно, даже напряженно. Недопитая чашка с кофе дымилась перед ним на низком столике, медленно остывая.

— Все эти сведения есть в недавно найденном Юкатанском кодексе ацтеков. Но там есть и такое, на что обычно обращают мало внимания... В отрывке шестом сказано, что оракулами, прорицателями чаще всего становились те, кто жил или подолгу бывал на горных вершинах, спал под открытым небом, ходил с непокрытой головой. Способность пророчествовать так и называлась «Дар с неба». Но в одном месте мы читаем странное видоизменение — «Удар с неба». Что это, описка, ошибка? — она строго задавала Йену вопросы, точно ожидала, что он сейчас объяснит все неясное. — Там же говорится, что жрецы ацтеков, которые переняли от покоренных народов обширные познания о небесных светилах и солнечном календаре, пытались искусственно вызывать или, во всяком случае, регулировать эту способность, что они якобы знали годы, месяцы, дни, когда можно было получить «Дар с неба». Жрецы отбирали

смышленных подростков из знатных семей и отправляли будущих пророков высоко в горы, в потайные места. Глухо изложена следующая история... Но вы же не пьете кофе, — спохватилась хозяйка.

Йен наскоро отхлебнул из чашки.

— Простите. Кофе отличный! Так какая же, собственно, история?

— Дело было так. Какие-то «плохие люди» (иногда в тексте они назывались «оборванными людьми», «оборванцами») поднялись на горный хребет, куда подниматься было строжайше запрещено. Они хотели похитить у жрецов тайну предвидения, пытались получить (или, быть может, получили) «Удар с неба», Это была борьба за будущее, за овладение будущим — воровство будущего, — невиданный, неслыханный фольклорный сюжет, с которым до находки кодекса никому из исследователей не приходилось сталкиваться.

— А чем все кончилось?

Заира ответила не сразу.

— Конец был обычный: дерзких захватили и принесли в жертву богине земли и смерти Коатликус, увенчанной венком из черепов. С них содрали кожу, а сердца, вырезанные каменными ножами, еще трепещущие, бросили на съедение священным собакам.

Наступило молчание. Йен больше не улыбался.

— Скажите, а я мог бы... ознакомиться с этим манускриптом?

— О, конечно. У нас есть фотокопия.

Напоследок она добавила, что Йену, физику и математику, наверное, покажется любопытной одна подробность, Жрецы ацтеков, которые очень увлекались вычислениями, нашли некую цифровую закономерность. Дело в том, что среди получавших ежегодно «Удар с неба» были и девушки и юноши. И соотношение между ними было всегда одинаковым: один к четырем. Иногда на четырех девушек — один юноша, на восемь — два, ну, и так далее. А иногда наоборот.

— Но всегда только это соотношение. Как вы считаете, мистер Йен, чем это можно объяснить?

...Он научился отключаться.

Да, научился включать и выключать свое предвидение, как люстру в комнате, как зажигание в автомобиле.

Интересно, как другие? Тоже овладели этим приемом? Возможно, у них не было такой острой необходимости в этом. Если бы Йен не научился «отключать мир», сосредоточивая все умственные усилия на одном определенном деле, одном четком задании, то он, вероятно, не мог бы справляться со своей напряженной работой на станции слежения. Его мучили головные боли, часто наступало состояние странной расслабленности, апатии. А капитан Фелисьен Карне свято верил в необыкновенные возможности Йена Абрахамса и свои сообщения начинал так: «Всем и Йену. Йену и всем...» И ставил перед Йеном задачи адской трудности, которые надо было решать всегда необыкновенно срочно и предельно точно.

Была еще одна причина, по которой Йен выключал предвидение — даже в те часы, когда он не был занят «Лютецией» и бродил, опустив уши меховой шапки, по заснеженным полям. Он ощущал настойчивую потребность разобраться, что же, собственно, произошло с ним и еще четырем «настигнутыми», что представляет из себя этот самый дар предвидения. Короткие записи тесно ложились на страницы блокнота в переплете из кожи крокодила.

«...Ты подумал: “Стакан падает не пол, он сейчас разобьется”. Это простейший вид предсказания, доступный ребенку. Кто-то сказал (кажется, Эйнштейн), что мозг человека — такое устройство, которое создано, чтобы делать полные выводы на основании явно недостаточных посылок. Посылок у каждого из пятерых “настигнутых” стало гораздо больше, но все равно информация не стала исчерпывающей, всеобъемлющей — значит, процесс остался в принципе тот же.

Итак, не таинственное, мистическое наитие, не озарение свыше. Нет, расширение старых возможностей, знакомых человечеству издавна. И не прозрение истины в окончательном, непреложном виде... Совершенно ясно: предвидение пятерых вариабельно. Создается приближенный вариант, который, в свою очередь... Идет нормальная работа человеческого мозга: перебор вариантов, только чрезвычайно интенсивно, усиленно.

Предположим. Ну, а дальше?.. Когда он пытался что-то конкретизировать, нащупать закономерности, то все распалось. Предвидение было мерцающим, действовало неравномерно, то вспыхивало, ярко разгоралось, то полностью затухало. Великолепные достижения — и рядом элементарные ошибки, как было тогда, на шоссе, когда они не угадали ловушки с грузовиком, не могли предвидеть, доберутся ли до аэродрома, самолета, а там и до Парижа.

Он «выключал мир». И все равно вторгались, мешали думать лица, разрозненные кадры. Африка. Франция, Дик, берущий билет у окошка кассы (собрался посмотреть окрестности Парижа?). Студенты, сдающие экзамены уже не ему, Йену, а бородатому Джеймсу, перевирающие интеграл Стильтьеса...

Он прогонял эти видения. Особенно настойчиво возвращалось одно лицо молодой девушки, очень красивой, пожалуй, трагически красивой, с каштановыми, мягко падающими на плечи волосами и золотисто-карими огромными глазами. Глаза просили, умоляли, кричали о беде, звали на помощь. Он был уверен, что никогда в жизни не разговаривал с ней, не слышал звука ее голоса. И а то же время он смутно ощущал...

Йен, Йен, что делается с твоей головой?!

Загадка Заиры...

Это очень серьезно. Может быть, серьезнее всего остального. Заира ускользала от него, от его дара предвидения, он не мог увидеть ни клочка ее будущего, ни разу не сумел прочесть ее мыслей. Как будто бы натолкнулся на

непроницаемый экран, какой-то заслон, забрело. Женщина в шлеме с опущенным забралом!

Они шли из концертного зала Городка Науки, Йен Абрахамс и Заира Дзахова.

— Почему вы занялись историей, миссис Заира? — спросил Йен. — Вы биолог, насколько мне известно, биолог-кибернетик.

— Историк — мой муж, Воинов, это он меня впервые натолкнул. — Она не могла не улыбнуться: у Йена было такое удивленное лицо! — Ну да, академик Воинов, специалист по истории человеческих заблуждений, как его иногда называют (он много занимался историей религии). А вы знаете физика Воинова, Воинова-младшего, нашего сына...

Йен бегло подумал, что, наверное, это сын просил мать быть повнимательнее к гостю-чужестранцу, занесенному судьбой на другой конец Земли, одинокому, потерявшему родину.

— ...и задумались; а нельзя ли искусственно получить пророческие способности? Со временем наметились два пути — технический и биологический.

— Значит, вы вошли в биологическую группу?

— Естественно. Несколько лет работали на обезьянах...

Они вышли на главную магистраль.

И именно в эту минуту Йен увидел: опыты с предвидением перенесены с животных на людей. Миссис Заира поставила эксперимент на себе. Она не из тех, которые перекладывают опасное на других.

И потом она провела детство, юность высоко в горах. Если верить ацтекам, то это тоже могло иметь значение.

Дик Мэллори сидел в своем комфортабельном купе и отчаянно нервничал. Вагонетка подвесной рельсовой дороги Чоп — Анадырский залив неслась с огромной скоростью над ниткой Волги и отрогами Уральских гор, опоры подвески мелькали так быстро, что их нельзя было разгля-

доть, а возмущенному журналисту казалось, что ни черта он не продвигается вперед.

Чем же все-таки это объяснялось? Почему он, еще будучи в Париже, сумел ясно увидеть, какая опасность угрожала Йену, а сам Йен ничего не видел, не чувствовал? Что сделалось с даром предвидения Йена, какого дьявола он стал незрячим и глухим?! Почему он и телеграмму не получил? Это было непонятно. Пришлось Дикю бросить все свои парижские дела и срочно мчаться к Тихому океану, чтобы предупредить товарища о смертельной опасности.

Но поспеет ли он? Не придет ли предупреждение слишком поздно?..

А еще тревожила Дика одна близкая к Йену фигура — немолодая женщина, как будто бы дружественная... Он воспринимал ее как некое смутное, туманное пятно, никак не мог добиться точного фокуса, определенности. Женщина эта не раскрывалась, не прочитывалась. Это было необычно — и пугало, настораживало. Дик каждый раз, думая об этой женщине, наталкивался на какую-то глухую стену сопротивления; что-то сильное, упорное не только отталкивало его «лучи предвидения», но само как будто отвечало излучением, мощным и дальнедействующим, которое пронизывало его, Дика, насквозь. Он был бессилен против этого излучения.

Йен! Мистер Абрахамс!.. Вы не видели Йена? Уже третий раз звонят из центропункта слежения. Какое-то важное сообщение из космоса... Куда он мог деваться? Срочно нужно разыскать Йена! Вы случайно не видели...

Йен упал в снег за мгновение до того, как раздался первый выстрел. Произошло, вероятно, что-то вроде самовыключения дара предвидения, сработал инстинкт самосохранения, который оказался сильнее запретов разума, и послал спасительный сигнал.

Убийца лежал на той стороне оврага за скалой, невидимый, неуязвимый, хорошо оснащенный, опасный, и время от времени стрелял. Сорок лет, пошлые усики, доку-

менты иностранного туриста-швейцарца (поддельные), складное автоматическое ружье, пистолет, надувной матрац с теплообогревом, электроодеяло, вволю патронов, стойкий загар профессионального африканского охотника, курит трубку в виде головы буйвола.

Установить все это для Йена не стоило большого труда. Голова была странно ясной, мысли — отчетливыми; думалось холодно, спокойно. Влип основательно; ничего не скажешь, очень мало шансов на спасенье; даже если пуля не прикончит — прикончит мороз, вон пальцы на ногах уже немеют.

Все с той же холодной ясностью он увидел лицо девушки с шоколадными глазами — нет, не лицо, он увидел, как она лежит на полу гостиничного номера (странно, это Россия, Москва?) со связанными руками и ногами, глаза ее все так же умоляют Йена о помощи, а над ней наклонился... И он уже твердо знал, как ее зовут, и какое она имеет отношение к проблеме предвидения, что это за тип, который угрожающе подносит к ее голой тонкой руке горящую зажигалку. Прохвост Питер Брейген отечески уговаривал Фрону Мэссон не капризничать, продолжать с ним сотрудничать!

Лежа в снегу, Йен жалел о многом. Но больше всего он жалел о том, что не поговорил в последний раз начистоту с Заирой Дзаховой и не отдал ей свой крокодиловый блокнот с важными записями.

Прежде чем стать писателем и драматургом, Север ГАНСОВСКИЙ был элентромонтером, грузчиком, матросом, учителем. Печататься начал еще в студенческие годы.

К жанру фантастики он обратился сравнительно недавно (книжки «Шаги в неизвестное», 1963 г. и «Шесть гениев», 1965 г.).

В настоящее время Север Гансовский зананчивает работу над романом «Три шага к опасности» и фантастической пьесой «Убежище».

6

Север ГАНСОВСКИЙ

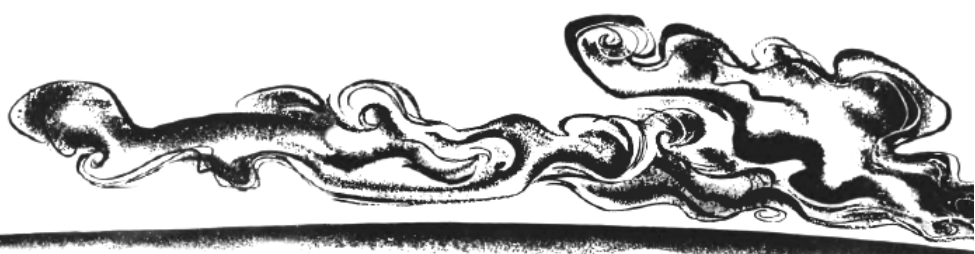
Солнце — на треть больше, чем его видно с Земли, и заметно ярче стояло колом над головой. В зените.

Это было неправильно, непонятно, поскольку они опустились на Венеру в ее «северном» полушарии, отнюдь не на экваторе. Но трое лишь поглядели друг на друга, и Фелисьен Карне вяло махнул рукой — одно к одному.

Невероятности, парадоксы выстроились уже в такой длинный ряд, что экипаж «Лютеции» перестал удивляться. Необычное ведь производит впечатление, лишь появляясь в среде обыкновенного. Если же невероятности налегают одна на другую, сознание начинает просто равнодушно отмечать их, и все.

А у них было время привыкнуть.

Правда, до того как корабль вторгся в атмосферу планеты, все шло как должно. Успешно завершался один из величайших экспериментов века — высадка людей на Венеру. Уже советские космонавты прошагали первыми по лунным базальтам, уже русская и американская экспедиции двигались навстречу одна другой из двух пунктов Марса, космическая станция «Октябрь» облетела вокруг Нептуна, и станция «Вашингтон» приблизилась к Сатурну. А теперь Франция — третья великая космическая держава — готовилась, как выразился один обозреватель, «вплести свои цветы» в венок вселенских открытий. «Лютеция» все же выкрутилась тогда из той дикой, непонятной штуки, включив двигатели по совету с Земли. Потянулись монотонные полетные сутки. Сон, работа на связи, всяческие замеры. Неделя за неделей постепенно увеличивался в иллюминаторе диск Утренней звезды — левая половина, блестящая, освещенная, и правая, темная, пепельная. На сто тридцатый день пути огромный сверкающий шар повис перед ними в глубокой тьме космоса, пронизанной немигающими, мертво неподвижными точечками. На сто сороковой этот мир заполнил собой все, даже Солнце сделалось маленьким и незаметным. Стихло в «салоне», гигантский шар гипнотизировал их — капитана Карне, пилота Альбера Рюо и астрофизика Сержа Ришпена, еще не вполне оправившегося после той катастрофы. Можно было часами смотреть и смотреть, какой-то сладкий ужас овладевал от грандиозности происходящего. С трудом поднимались, чтоб сделать запись в бортовом журнале, принять или послать текст по радио. И опять сидели, смотрели — даже как-то ни о чем конкретном не думалось, хотелось видеть, поглощать, впи-

тывать в себя. Перемещались вихри на планете, клубились безмерные массы облаков — при видимой бессмысленности странным, непостижимым для разума значением было исполнено вечное могучее движение. Часы напролет никто не произносил ни слова.

А потом как некая лавина сорвалась — приблизились и начали передавать информацию на Землю. Спектральный анализ наружного слоя облаков, радиозондирование, магнетизм, радиация. Колебались стрелки приборов, текла перфолента.

Вот оно — дошло! «Лютеция» ставила свои заявочные столбы на золотых жилах знания. Кончились столетние споры, проблемы захлопывались — хлоп, хлоп! — как крышки сундуков. Уже никогда не возникнет дискуссий по поводу того, каков период вращения Венеры вокруг оси — 20 часов 50 минут! В будущем уточнятся лишь секунды, но вопрос разрешен «и ныне, и присно, и во веки веков». Удивительные, торжественные и чем-то чуть горькие мгновения триумфа, когда свершается переход от мечтаний, от догадок к фактам.

На дальней, в звездочку превратившейся Земле залы Центра слежения под Парижем осаждают репортеры всех газет мира. «Что? Установлено наличие свободного кислорода?!.. Океан!.. Море?.. Значит, я могу сообщить, что Козырев был прав, и температура действительно...» С листа читаются вслух радиограммы, на глазах рушатся бастионы непознанного. Седовласый профессор недоуменно пожимает плечами у телефона: «Неужели?..»

На «Лютеции» включили двигатели, повернули корабль дюзами к титаническому небесному телу, заполнившему уже почти всю площадь обзора, вошли в венерианскую ночь и начали торможение. Подобно пылинке на бесконечную вьюжную снеговую равнину, опускалась «Лютеция» на слой облаков. У троих сверлило в голове: «Неужели это возможно? Неужели это мы здесь?..»

Передали температуру верхнего слоя облаков, среднего. Вышли на дневную половину. В иллюминаторе был туман, туман — и вдруг все ахнули. Яркий, ослепительный

свет залил рубку, облака исчезли сверху, будто растаяли, сияло солнце, а внизу расстилалась поверхность планеты.

И пошло необъяснимое. Как если бы они вырвались из сферы действия привычных законов и вступили в другую сферу.

Вдруг оборвалась связь с Землей, перестал действовать радиозонд, вышли из строя все вообще радиоустройства. Но не это было главное. Венера лежала под ними, как на тарелочке. Они шли на высоте около 180 километров. Они готовы были наблюдать, записывать, фотографировать, регистрировать. Но нечего было наблюдать.

Потому что внизу ничего не было.

Не на чем остановиться взгляду. Ни гор, ни океана, ни холмов, ни леса. Просто ничего.

Абсолютно ровная, без деталей белесая поверхность простиралась от горизонта к горизонту. Лишь несколько часов назад сквозь облака были прощупаны хребты, водные резервуары, а теперь все это как бы куда-то спряталось.

Наверху была густая синева с золотым диском солнца. А внизу под космонавтами неслась поверхность планеты. Впрочем, неслась ли? Из-за полного отсутствия ориентиров этого тоже нельзя было проверить. И солнце сияло прямо над головой. Может быть, они и не мчатся совсем, а висят неподвижно на месте? Но тогда они должны упасть.

— Как будто нет времени, — сказал Ришпен.

Но все хронометры корабля дружно, согласно провозжали в прошлое секунды и минуты.

Летели час, две... шесть. Минули сутки. Напряжение как-то спало. По расчетам, уже облетели планету пятнадцать раз, а все было, как вначале. Дважды пускали в ход главные ракетные установки — всем троим было ясно при этом, что такие пуски означают для их дальнейшей судьбы. Корабль содрогался, они ощущали ускорение, а вокруг ничего не менялось. Тогда Карне принял решение — на посадку.

И сели. Тридцатиметровая башня опустилась, изрыгая пламя. Выключили двигатели, сделалось тихо. Взяли анализ воздуха — он подтвердил результаты спектрограмм. Сво-

бодный кислород, азот, другие инертные газы. С высоты трехэтажного дома сбросили нейлоновую лестницу.

Они на Венере.

Нечто вроде бесконечной ровной плиты простиралось во все стороны. Чуть шероховатой, с повторяющимся несложным тисненым рисунком, похожей на бетон. Небо и белесая поверхность до горизонта. Ни тени, ни предмета. Ничего, кроме их самих и громады «Лютеции» за спиной.

Вот тогда-то они переглянулись.

Йен Абрахамс чувствовал, что враг не двигается. Просто ждет, пока Йен выползет сам из лощинки, пока мороз его выгонит. Хорошего было мало. Станным образом в этой ситуации не помогал дар ясновидения. Закидывая вперед во время свою мысленную удочку, физик вылавливал там, что через полчаса тот, с усиками и ружьем, встанет и начнет осторожно приближаться. Но что делать? У Йена все равно не было выхода. Бандит подойдет и выстрелит.

Ясновидение ясновидением, но их уравнивала простота положения. Получалось, как при обвале, застигшем альпиниста на узкой горной тропинке. Пусть ты знаешь, что там, наверху, уже потекли камешки. Деваться-то все равно некуда.

Нельзя было высовываться над краем сугроба, однако уже немели пальцы ног. Физик вспомнил читанное в русской книге — замерзая, сибиряки оттирали себя снегом. Он осторожно подтянул правую ногу, взялся было за шнурок на ботинке. Черта с два! — узел развязать оказалось тоже невмочь. Пальцы рук не слушались. Вот такая она и есть, Россия, — сам климат делает людей крепкими. Каждый должен быть как камень, иначе пропадешь.

Стал снимать перчатку. Закусил зубами палец, повторив, не зная об этом, обычный русский мальчишеский зимний жест, и вдруг очень ясно услышал: «Как будто нет времени».

Тотчас бандит с усиками, складными автоматическими ружьями, трубкой в виде головы буйвола и прочим набо-

ром банальностей, снежный сугроб — все откатилось в сторону. Будто прямо из морозного звездного неба это донеслось, из глубины космоса — отзвуком какой-то борьбы, о помощи криком.

Йен Абрахамс замер, стараясь найти, почувствовать, откуда это идет.

Минули сутки после высадки, и положение экспедиции стало катастрофическим. В первые несколько часов они попытались взять пробы почвы — этого самого бетона. И не смогли. Просто не удалось отковырнуть кусочек, как ни старались. Никакие инструменты не оставляли даже царапины, и никакие реактивы тоже не действовали. Было похоже на сон, но не тот, хороший, когда летаешь, а дурной, где, несмотря на опасность, не поднимаются руки. Только и сделали, что сфотографировали повторяющийся тисненый узор. Однако все понимали: «Лютецию» послали не за тем, чтоб, вернувшись, экипаж сообщил в двух словах: «Синее небо, белесая почва». Решили, что надо пройти на вездеходе хотя бы километров двести. Может быть, там, за горизонтом, пусть маленькое, незаметное, но все же есть что-то.

Астрофизика капитан оставил на корабле. Спустили с помощью лебедки танкетку — она называлась «Жук». Фелисьен с Альбером поехали, ориентируясь по гирокомпасу.

Бетонная гладкая равнина лежала вокруг. Когда громада ракеты скрылась за горизонтом, опять стало непонятно, двигаются ли. Спидометр показывал 50 км/час, лязгали гусеницы, содрогался корпус машины, но не было уверенности, что они не трясутся просто на месте.

Оставили позади 70 км, 100... Дальше сделалось как-то невозможным. Карне оставил танкетку, они вылезли, осмотрелись. Тишина была такая, что слышалось собственное шуршащее дыхание. Временами казалось, будто они стоят в комнате, где белесый пол плавно загибается кругом сверху, переходя на каком-то уровне в синие стены.

Карне предложил отойти от «Жука», просто чтоб была перспектива. Пошли вперед. Примерно через километр Альбер, более зоркий, воскликнул:

— Смотри! Видишь?

Впереди у горизонта темнело пятнышко. Слава богу, хоть что-то! Они быстро прошли еще километра полтора, и Альбер вдруг остановился. Губы у него побледнели. То, к чему они приближались, было танкеткой.

Подшли к ней. Альбер рассеянно похлопал ладонью гусеницу.

— Слушай, ведь не может быть, чтоб мы шли по кругу. Мы шли по прямой.

— Веселые номера, — Фелисьен закусил губу. — Знаешь, давай сделаем так. Я буду уходить, а ты следи за мной. Буду идти точно по прямой. По компасу... Или ты иди.

Альбер пошагал, часто оглядываясь. Фелисьен с танкеткой делались все меньше. Затем в какой-то момент впереди точно по его курсу появилось пятнышко. Он обернулся, позади уже никого и ничего не было. Как будто бы Фелисьен и вездеход растворились в воздухе. А пятнышко впереди медленно увеличивалось по мере того, как он приближался к нему; и, наконец, он увидел капитана, опершегося о моторную часть танкетки.

У Фелисьена были какие-то потухшие глаза.

— Чертовщина... Следил за тобой, пока ты не исчез из виду. Потом оглянулся и увидел точку позади. — Он поднялся. — Давай сверим часы. Я пойду, ты отметишь время, когда меня не станет видно. А я — время, когда замечу тебя и «Жука» впереди.

А солнце так и стояло в зените.

Попробовали иначе. Стали спиной друг к другу и пошли опять прямо по гирокомпасу.

На этот раз Альбер шагал около часа, пока не увидел впереди точку. Она росла не быстро. Это был Фелисьен. Встретились; каждый посмотрел на гирокомпас, сравнили. Да, так они и шли, как начинали. Но встретились.

Затем чуть охрипшим голосом Альбер сказал:

— А где «Жук»?

Вездехода не было. Белый бетон простирался до горизонта, и ни зернышка на нем.

Сделалось жутковато. Уже одолевала усталость. Глаза болели от белизны, от однообразия. Хотелось есть, еще больше — пить. А не было при себе ни еды, ни воды.

Фелисьен, подумав, сказал:

— Попробуем идти дальше, как я шел. «Жук» должен быть где-то на этой же прямой. Мне кажется, что ты шагал быстрее меня. Не в том месте встретились.

Пошли. Один километр остался позади, другой... десятый... Танкетки не было. Остановились. Фелисьен вытер пот.

— Глупо, что не взяли воды, когда уходили от «Жука». — Губы у него опухли и обветрились. — Моя вина.

Альбер пожал плечами.

— Кто мог думать... Слушай, я еще одну штуку хочу проверить. Сядь тут.

Он опять пошел от Фелисьена. Брел, пока не увидел пятнышко. Оглянулся, позади уже никого не было. Тогда он вернулся на несколько шагов, и темная точка — Фелисьен — появилась, где раньше была. А та впереди, только что возникшая, исчезла. Ладно! Он стал спиной к линии своего движения. Сделал шаг влево, точка явилась слева, шагнул вправо — Фелисьен возник справа. Он подумал: «С ума я схожу, что ли? Как будто два Фелисьена... Вероятно, я просто спятил. Еще давно. Когда мы приблизились к Венере и вошли в слой облаков. — Затем он одернул себя: — Ерунда! Так нельзя, надо бороться». Ему было все равно, какого Фелисьена выбирать — правого или левого, он стоял минуту, размышляя. Потом, плюнув, пошагал ни к тому, ни к другому, а просто вперед. Шел-шел и даже усмехнулся злобно, когда на горизонте появилась точка. Хоть в этом было какое-то утешенье — куда б они ни шли, все равно идут один к другому. Не потеряются.

Фелисьен, сидя на земле, рассматривал что-то. В руке у него была авторучка.

— Знаешь, пытаюсь написать, но не оставляет следов.

И карандаш тоже пробовал... Эта штука ничего не принимает.

У Альбера вдруг отчаянно заболела голова. Раскалываюсь. Фелисьен посмотрел на него, затем на часы.

— Знаешь, сколько времени прошло с тех пор, как мы выехали? Девятнадцать часов. Давай ляжем и поспим.

Легли, где стояли. Альбер глянул на лицо друга, и сердце у него забилось сильно-сильно. У капитана на левом виске был шрам — в детстве приятель попал стрелой из лука. На левом виске — Альбер точно помнил. А теперь он был на правом!

Летчик открыл было рот, затем подумал, что лучше промолчать. И так слишком много чудес. Ну его к дьяволу!

Но капитан сам как-то странно смотрел на товарища.

— Слушай.

— Ну?

— Как будто бы у тебя этот карман на куртке был с левой стороны.

— И что?.. Он и есть с левой.

— Как? Ведь это же у тебя правая рука.

— Которая?.. Почему? Это у меня левая.

— Ну что ты!

— Естественно, левая. Тут у меня сердце — я его слышу... А вот у тебя...

— Что у меня?

— Ладно. Ничего. Давай спать, а то вообще тронемся.

Пока засыпали под палящим солнцем, накрыв головы куртками, пилот подумал, что он одно время не любил Счастливого Карне. В школе космонавтов. Уж слишком гордо тот держался. За ужином скажешь: «Передать тебе сыр?» Он посмотрит: «Сыр?.. Вечером?» И кажешься себе олухом, не знающим очевидных вещей. Или спросишь: «Читал “Стамбульский экспресс” Грэма Грина?» И опять: «Грина?.. Кто теперь читает Грина?» Но затем Альбер понял, что у Карне это было просто потому, что его считали выскочкой. Прорывшимся в космонавты из-за знаменитого отца. И он клин клином вышибал. После-то они сдружились... А вот теперь умирать вместе.

Север ГАНСОВСКИЙ

Проснулись через четыре часа, как привыкли за время полета. Оба были уже ослабевшими. Оставили на земле фотоаппарат, пошли и через час пришли к нему. Снова оставили и пришли через полчаса. Потом через пятнадцать минут — просто он исчезал сзади и появлялся впереди. Тогда подняли его, чтоб не мучить себя этой неразрешимостью. Было впечатление, что кто-то из них вывернулся на оборот. Во всяком случае, когда стояли друг против друга, получалось, что левая против левой. Но было непонятно, кто именно вывернулся.

Брели, поддерживая друг друга.

Только одинаковое белесое и синее было кругом. А танкетка и «Лютеция» совсем исчезли...

Грянул новый выстрел, Йен Абрахамс даже не услышал его.

Северное зимнее небо стояло над физиком, и он видел — не там, в черноте среди звезд, а просто так в сознании — какую-то странную сферу. Стеклянная прозрачная масса, вся пронизанная десятками, сотнями тоннелей с прозрачными стенками. В дальнем краю ее две точки медленно двигались, а рядом, за стенкой, была третья, неподвижная, побольше. Они все были в этой прозрачности, в этой массе, как соринки в янтаре. Не понимая, отчего это так, Йен чувствовал, что самое важное для него сейчас на его собственная судьба, а вот это — доберутся ли две маленькие точки до третьей.

Абрахамс следил за точками. Вот они хорошо свернули, вот им нужно сделать еще поворот... Вдруг стало тепло,

мороз как бы потерял власть над ним. Физик ощущал, что никак не может повлиять на движение точек. Ему лишь хотелось, чтоб те две нашли третью.

Точки остановились, опять двинулись.

И в этот момент снега и небо вспыхнули, раскололись, виденье исчезло. Звук выстрела, оглушающе громкий, дошел до него, физику показалось, будто он летит вверх. Он уже не чувствовал своего тела, но поднимался стремительно, увидел на миг необъятную панораму расширяющейся вселенной, разбегающиеся галактики, светила, планеты вокруг нее, ниточки межзвездных трасс, по которым неслись корабли.

И понял, что это его последняя в жизни мысль.

— Заира Алиевна ждет вас.

Секретарь матери, очень модная, в бразильской шерстяной кофточке, повела его к лифту, он едва успевал кивать знакомым. На шестом этаже было спокойнее. Мать в своем кабинете поднялась из-за стола, маленькая, но величественная. Значительно взглянула на него, взяла под руку.

— Выйдем в холл.

Они вошли в оранжерею, стали возле огромного, во всю стену, окна. Александр Воинов подумал, что нужно сказать матери о своих планах.

— Мама. Тут есть одна девушка. Я хотел бы, чтоб вы позна...

Заира Дзахова, подняв руку, прервала его:

— Подожди. — Ей не хотелось мельчить ситуацию разговором о каких-то девушках. Не так уж часто такое бывает, когда выдающийся ученый современности Заира Дзахова беседует со своим сыном — тоже выдающимся современным ученым. — Подожди. Ты знаешь, зачем здесь, внизу, собрались люди?

Он вдруг сообразил. О господи, проект «Ясновидение»! Тот, в котором он сам принимал участие. Так, значит, это сделано.

— Знаю. Насколько я понял...

— Да, ты правильно понял. Но я должна сказать тебе несколько слов. Ты будешь в первом десятке тех, кто войдет в камеру облучения. Ты должен знать, что еще...

Он с тоской подумал, что ему предстоит выслушать лекцию, где будут и кумекая сивилла, и островитяне Торресо-ва пролива, и «свертки времени», и Эйнштейн, и всякое-всякое.

— ...еще халдейская сивилла Сабба...

— Заира Алиевна! — кудрявая секретарь возникла рядом.

— Минутку! — мать энергично отмахнулась смуглой рукой.

— Заира Алиевна, вас к телефону. Париж. Это относительно февральского конгресса.

— А... Подожди меня здесь, Александр. Я сейчас.

Она вернулась через четверть часа.

— Так вот, еще вавилонские мудрецы...

— Заира Алиевна! — Секретарь опять была рядом.

— Да?

— Пришли из финского женского журнала. Насчет того интервью.

— А... Подожди меня две минуты.

Он подождал двадцать, затем вместо матери вышла секретарь.

— Александр Викторович, пройдите, пожалуйста, на облучение. Заира Алиевне вас потом встретит.

Он отправился в камеру и через полчаса вышел побледневший. Десятки образов толпились в сознании, но, отесняя другие, упрямо выплывало злобное мужское лицо с маленькими глазками и рядом девичье.

Дзахова поднялась навстречу ему из кресла.

— Так вот, я хотела тебе сказать, мальчик мой, что давняя мечта человечества...

Он посмотрел на нее безумно.

— Мама? У тебя машина здесь?

— Здесь... Но мальчик мой...

— Дай мне сейчас же ключ. Это страшно важно. Извини. Не позже чем через сорок минут мне нужно быть в гостинице «Украина». Вопрос жизни и смерти для меня.

Она машинально вынула из кармана ключ, затем посмотрела ему вслед разочарованно. Поговорили. Вот так оно и получается всю жизнь: либо у нее нет времени, либо теперь у него. Она его, собственно, и видела-то очень мало за эти двадцать пять лет. С досадой подумалось: «А был ли мальчик?»

Александр выскочил из гостиничного лифта, как выстрелил себя. Схватил на столе у дежурной телефонную трубку.

— Мистер Брейген?.. Это Александр Воинов. Выйдите ко мне. Понимаю, что вы заняты, но я должен поговорить с вами сию минуту... Да-да, я здесь, на этаже...

Встревоженно бегающие глазки Брейгена как-то не вязались с могучей уверенной роскошью гостиничной обстановки. Как если б он попал сюда незаконно. Александр успел подумать, пока тот приближался, что и в самом деле взлет этого человека был случаен. Сидел себе где-то в Претории маленький жучок, шансер на азартных играх, и вдруг судьба сделала фигурой в сфере международного шпионажа.

— Добрый вечер, мистер Воинов. Может быть, мы пройдем ко мне в номер?

— Не надо. — Ужасно не хотелось идти в номер к этому. К счастью, в «Украине», построенной с размахом, всяких холлов было великое множество. Идемте!

Они поднялись по лестнице и оказались в просторном помещении, облицованном мрамором и яшмой, которое раньше неизвестно для чего предназначалось, а теперь было приспособлено дежурными для своих нужд.

Александр уже чувствовал, что сделает все быстро.

— Итак, слушайте, Брейген. Я знаю, чем вы занимались всего минуту назад и во что вы старались вовлечь мисс Фрону Мэссон. И про зажигалку тоже знаю. (Брови у Брейгена поднялись, челюсть отвисла, он набрал воздуха.) Молчите! И многое другое мне тоже известно. Короче го-

воря, вы сделаете так: сегодня же попросите, чтоб вам срочно оформили документы на выезд, и завтра уберетесь из нашей страны. Это во-первых. И начиная с этого мгновенья, во-вторых, никогда не будете пытаться увидеть Фрону. (Брейген опять набрал воздуха.) Молчите, ни слова!.. Дело в том, что у меня тоже дар. Пожалуй, посильнее вашего. Чтобы вы в этом убедились, проделаем сейчас такой опыт. Вы начнете мне возражать, а я буду говорить те же самые слова. Одновременно. То есть докажу, что вижу будущее и знаю заранее, что вы собираетесь произнести и сделать. А поскольку я спортсмен и у меня реакция лучше, мы будем говорить в унисон. Начинайте.

Брейген выпрямился негодуяще.

— Послушайте, я...

Но это прозвучало, как дуэт. Потому что Александр сказал то же самое.

Брейген выпустил воздух, растерянно заглянул в глаза Воинову.

— Послушайте, если вы думаете...

И снова это был хор. Два голоса слились в один.

— Но подождите...

Унисон.

— Но одну минуту. Я...

Тоже хор.

На лице у Брейгена было отчаяние. Он машинально поправил галстук.

И Александр проделал то же самое. Одновременно, без сотой доли опоздания. Как если бы он был отраженьем.

— Одну минуту, я хочу вам сказать...

Голоса обоих начали и кончили в полном согласии. И снова тишина.

— Тогда я пойду и...

Оба сказали это сразу, оба пошагали к двери, оба попытались взяться за ручку и помешали друг другу.

Брейген закусил губу.

— Ладно!

Вдруг шагнул вперед и, подняв руки, попытался схватить Александра за горло. Но поскольку тот сделал совершенно то же самое, их руки просто столкнулись в воздухе.

Сиротливая стиральная доска была единственным свидетелем поединка.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, затем Брейген отступил.

— Послушайте, я все понял. Я согласен.

Опять это прозвучало в унисон.

— Ну, что же вы еще хотите?

Александр усмехнулся и отпустил, наконец, врага.

— Хорошо. Раз поняли, все в порядке. Значит, завтра вас уже не будет в Москве.

Брейген, вытирая платком лицо, вздохнул:

— Согласен.

— А теперь ступайте к себе в номер, позвоните мисс Фроне и попросите ее выйти в холл. Скажите, что...

Он не успел договорить, как оба услышали шорох и обернулись. Высокая бледная девушка стояла в дверях.

Фелисьен и Альберт все-таки нашли танкетку. До этого они уже собрались погибать. Брели шесть часов подряд, легли, отдохнули. Поднялись потом. Карне сказал так, без надежды:

— Пойдем назад. Впереди на этом курсе ничего нет.

И, повернувшись, увидели на горизонте пятнышко.

Вездеход так и был, как они его оставили. Пили воду, глядя друг на друга блестящими, сразу помолодевшими глазами. Ели. Даже беспощадная ровность кругом не казалась такой унылой.

Включили мотор, поехали назад, к «Лютеции». И опять началось жуткое. Проехали обратным курсом километров двести пятьдесят, а ракета как сквозь землю провалилась.

Остановили танкетку, Карне сказал:

— Да... До сих пор мы считали, что, выбираясь в космос, люди встретятся там с необычным в категориях обычного времени и пространства. Но оказывается, мы имеем

дело с необычными феноменами самого пространства. Короче говоря, давай попробуем «лимон».

— «Лимон»? Зачем?

— Ну, так... Понимаешь, в этой пустыне ничего не меняется. Солнце неподвижно. Вот эту поверхность ничем не потревожить. Такое впечатление, будто тут нет времени. Но если хоть кусочек этого бетона оторвать или переместить, может быть, что-нибудь произойдет.

«Лимон» был атомной миной. Их вооружили несколькими на всякий случай.

— Положим прямо на землю и взорвем.

Они поставили завод тяжелой желтой мины на десять минут. Девять ехали; на десятой соскочили и укрылись за танкеткой.

— Ну, давай, милая, — сказал Альберт.

Секунды текли. Осталось пять, четыре, три, две...

А потом они не сразу поняли, что произошло. Раздался рев, пустыня и синее небо вдруг раздернулись, открывая что-то зеленое.

Двое почувствовали, что проваливаются. Упали, поднялись на ноги, огляделись.

Солнце откатилось к горизонту, стало большим, просвечивающим сквозь облака. Вездеход, накренившись, стоял над космонавтами на огромном камне. Кругом был лес, похожий на земной, но только ранний, с хвощами, сигилляриями, папоротниками. Квакали какие-то существа.

А километрах в двух высилась над зеленью громада «Лютеции».

Они подошли, перелезая через поваленные стволы, поднялись по лестнице. Было удивительно, что Ришпен не встречает их.

Астрофизик сидел в радиорубке. Помахал рукой.

— Видел вас сейчас, ребята. Как вы идете... Связь восстановилась. Но вот какая штука. Для Земли не было этих двух суток... Для них связь не прерывалась. Выходит, мы были как-то втиснуты в мгновенье.

Карне смотрел на Ришпена. Тот перехватил его взгляд.

— Я уже видел. У меня седая прядь. Черт знает что я пережил, пока вас не было. Договаривались же на три часа.

Альберт, отдуваясь, сказал:

— А ведь у нас топлива не хватит, чтоб взлететь. Истратились. Будем ждать теперь советской экспедиции.

Снаружи начинало смеркаться. Надвигался вечер на Венере.

Скоро в издательстве «Молодая гвардия» выйдет сборник рассказов Владимира ГРИГОРЬЕВА «Аксиомы волшебной полочки». Ныне молодой писатель фантаст пишет роман «Возвращение к Солнцу» и пьесу «Только сам господь бог».

8

Владимир ГРИГОРЬЕВ

Питер Брейген в нерешительности остановился. Вроде бы то, что нужно, и дом тот и вывеска та, «Сырье по ценам со скидкой» с подзаголовком «Союз помощи слаборазвитым странам».

Питер вздохнул с облегчением. Фу, наконец-то он снова в местах, где деловому человеку можно дышать не жабрами, а в полную силу легких! Где вас не хватают за ворот только потому, что видят насквозь. (От встречи с Воиновым у Питера остались самые тревожные ощущения.)

Питер похрустел в кармане бумажкой новенького банкнота и пустил любовный взгляд по ущелью авеню. Авеню? Да нет, пожалуй, стрита. То, что нужно! Бетон, стекло, сталь! Белоснежные экипажи, шорох шин. Прохожие в смокингах. И ни одного всевидящего среди них!

Наконец-то ты на верном пути, Питер! Как ты сразу не догадался, что твое место там, где нет других ясновидцев? Дернул же тебя черт ввязаться в этот частный шпионаж! Открывать свою лавочку по соседству с ярмаркой. Совать-ся в страну, где и без него ясновидящих полно! Нет, теперь он, Питер Брейген, будет вести себя осмотрительнее.

И как он только так подумал, из крохотной полуподвальной дверки, из-под лестницы парадного входа появились два молодых человека и четким строевым шагом направились к Брейгену. Разумеется, их серые костюмы были совершенно одинаковы, карманы, разумеется, оттопырились, и поля шляп фирмы «Шейлок» были одинаково надвинуты на глаза.

«Чисто работают, черти!» — с восхищением подумал Питер.

Все было именно так, как в тех кинофильмах, просмотр которых отнял у Брейгена пятую, а то и четвертую часть жизни. И чеканка поступи молодцов в сером слилась с ударами сердца околдованного Питера. Он как бы перенесся из кресла зрительного зала в плоскость экрана, освоился в этой плоскости и жил жизнью, которую зритель считает более реальной, нежели его собственная.

Надо сказать, бетонная коробка, у основания которой Питер Брейген ждал разрешения своей судьбы, принадлежала организации, равно далекой как от нужд и чаяний слабых стран, так и от поставок какого-то бы ни было сырья со скидками или без оных. Да и о каком сырье для слаборазвитых стран может идти речь вообще, если страны эти привыкли получать продукт в готовом виде, сырье же покоен веков поставляли сами? Однако стилистическая небрежность текста вывески не привлекала внимания прохожих, глаз которых, как нам известно, давно перегрузил-

ся зрительным раздражением от действия габаритной, кричащей рекламы.

Устраивала вывеска и обитателей самого полунебоскреба, ибо их не волновал вопрос, что начертано на портале Центрального департамента разведки, а дом этот принадлежал именно этому департаменту.

Аромат таинственности, повеявший прямо с дверей офиса, пришелся Питеру Брейгену по вкусу. Ему всегда казалось, что самые острые и подлинные ощущения приносят именно те вещи или ситуации, которые люди предпочитают не называть своими именами. И, не называя своего имени, он зашагал прямо к маленькой дверце под парадным входом, предварительно придав лицу выражение легкой загадочности. Детективы сделали кругом-арш и последовали за ним так, будто церемониал встречи был заранее разработан и отрепетирован.

Через несколько секунд Питер взлетел в скоростном лифте на нужный этаж. Бесшумная кабина внесла его прямо в кабинет и тут же исчезла за сомкнувшейся стеной. Прямо перед Питером сидел человек средних лет, подтянутый, с внимательными глазами и доброй, хотя и твердой складкой рта.

— Полковник. — Он приподнялся с кресла со стандартным полупоклоном и тут же опустил обратно, быстро добавив: — Называйте меня просто полковником. Этого достаточно.

— Намек ясен, полковник, — свойски, как будто они были старыми приятелями, ответил Питер и поискал взглядом второе кресло. Кресла не обнаружилось, и тогда Питер гаркнул: — Брейген в вашем распоряжении!

Полковник поморщился и взглянул на Питера несколько иначе. Питер понял, что в чем-то просчитался, но не смутился от этого.

— Итак, вы решили передать свой дар в наше распоряжение. Это разумно, в нашем большом коллективном деле время одиночек, пусть даже способных, миновало. Одиночка обречен в условиях детерминированного отлова личности. Впрочем, за исключением случая, когда личность —

сама по себе коллектив, когда в одном человеке совмещается как бы много людей. Но это уже совсем редкий случай...

Последние слова полковник пробормотал под нос, обращаясь к самому себе. Остальное он произнес легко, играя интонациями голоса, как человек, привыкший излагать мысли перед аудиторией.

— Совершенно верно, полковник! — с жаром откликнулся Питер и тут же поведал о своих мытарствах, начавшихся в тот роковой день, когда на него накатило это. Удачи в казино казались ему теперь настоящим праздником в общей цепи событий. Коварство красавицы Фроны, поражение в стычке с Воиновым, позорное бегство восвояси, загадочный инцидент на границе — эти потрясения не могли компенсировать даже успех с ликвидацией конкурентов Абрахамса и Мэллори.

Полковник слушал признания молча, погружившись в созерцание резного мундштука из слоновой кости.

— И вам не жалко земляков? — внезапно спросил он.

— А чего жалеть простофиль? — с подлинным недоумением ответил Питер. Особенно этого журналиста. Примчался с голыми кулаками, и вовремя нарвался на пулю. Вы же читали в газетах...

— Грубая работа! — резко оборвал полковник. Голос его стал неприятно скрипучим. Питер с удивлением взглянул на собеседника. Лицо полковника исказилось гримасой, но он тут же овладел собой.

— А где Виллиам Йориш, негр? — спросил полковник, снова становясь любезным.

— В прериях. А может, в джунглях. В общем в Африке, — потупясь, ответил Питер. Секундная перемена в полковнике неприятно поразила его.

— Понимаете, сейчас я продвигу несколько хуже нормы. Сказывается, видно, перемена климата, — промямлил Питер, чувствуя, что опять делает какие-то неверные шаги, и поспешно добавил: — Но это пройдет, уверяю вас, пройдет. Так уже бывало.

Полковник опять был самым собой, подтянутым и любезным, настоящий службист, однако в глазах его уже поселилась некая подозрительность.

— Расскажите-ка, Питер, лучше об этом инциденте на границе, — дружелюбно сказал он, снова погружаясь в изучение хитроумной вязи мундштука — предмета странного в руках некурящего человека. (Полковник был некурящим.)

История, происшедшая с Питером на границе, действительно выглядела загадочно. До смерти запуганный разговором с Воиновым, деморализованный отказом неотражимой Фроны, Питер Брейген обратился в паническое бегство. Он понял, что, как только Воинов узнает о гибели Абрахамса, ему, Питеру Брейгену, организатору убийства, несдобровать в этой стране крепких, как их морозы, законов.

Трясущимися руками он упаковал самые необходимые вещи и сел в автомобиль и помчался к границе.

В таможенном пункте он в несколько минут покончил с необходимыми формальностями и рысцой затрусил в дорожный ресторан. Тут-то, в вестибюле ресторана, в его поле зрения и попал этот странный аппарат, по виду напоминающий дагерротип — ящик на треноге с черной занавеской позади.

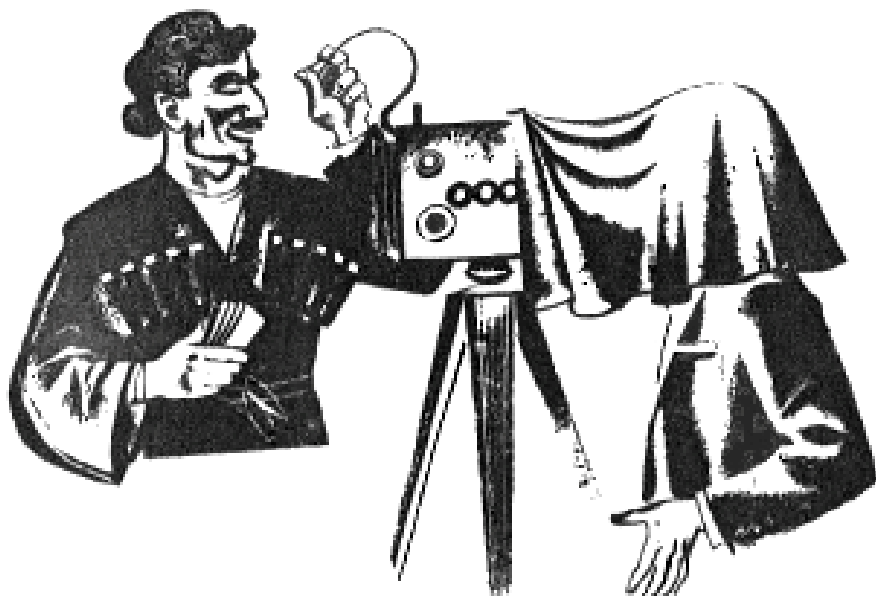
«Моментальное фото — русский сувенир», — прочитал Брейген надпись над ящиком. Он мог поклясться, что еще полчаса назад этого ящика здесь не было. Редкие прохожие шли мимо аляповатого балаганчика, будто и не видели его. Но как только Брейген вошел в вестибюль, ему почудилось, что в аппарате что-то разбойничьи свистнуло, и ноги сами понесли Питера к балаганчику. Позади ящика стоял брюнет с холеными усиками и манил Питера пальцем.

— Сюда, дорогой, сюда! — с обольстительным акцентом темпераментно заманивал брюнет. — Жена рада будет, дети рады будут, получишься молодой, красивый.

Колдовская смутная сила подвела Питера вплотную к аппарату, неуловимым движением фокусника брюнет на-

кинул ему на голову черную занавеску, в ящике что-то грохнуло, свистнуло и занавеска, порхнув, опять повисла на задней крышке ящика. В воздухе повис сильный запах конюшни.

— Почему боялся, бояться не надо! — воскликнул брюнет. — Приезжай в гости, шашлык кушать будем!

И тут же мановением руки выхватил из внутреннего кармана казакина, из-под газырей колоду отглянцованных стереотипов Брейгена. Количество отпечатков хватило бы осчастливить не одну жену и не одну когорту подрастающей детворы. Брейген запомнил еще одну деталь: фирменную надпись на аппарате — «Заир-2»...

— Если не ошибаюсь, способность предвидения пропала у вас именно после этого сувенира? — с язвительной радостью спросил полковник. Глаза его странно посветлели, а шея, тесно стянутая воротничком, начала багроветь.

— Ослабла, полковник, а не пропала, — с достоинством поправил Питер.

— А на аппарате значилось «Заир-два»? И фотографии он вынул из кармана, куда они были заранее положены? — Полковник привстал с кресла, шея его уже предельно налилась густой краской, лицо же побледнело от ярости. Питер взглянул на его шею и тут по-настоящему перепугался. Ему показалось, что сейчас полковник бросится на него с кулаками. Словно пелена спала с глаз Питера — он, наконец, понял, что случилось с ним, с Питером Брейгеном.

— Вас пропустили через нейтрализатор Заировой, болван вы этакий! — звенящим шепотом процедил полковник, испепеляя Питера взглядом. — Дар не вернется к вам никогда, забудьте о нем, Питер Брейген. И хорошо, что не вернется. Будь вы поумнее, вы прикатили бы к нам сразу и получили, сколько вам надо. Миллиард, два миллиарда, больше? Вместо этого вы занялись грязной спекуляцией на бирже, расшатывали систему частного предпринимательства в стране, где эта система и без того на ладан дышит. Вы поубивали людей, которых господь наградил чудесным даром, людей более достойных, чем вы. Которые могли бы принести нам подлинную пользу. Вы убийца, Питер Брейген!

— Полковник, будьте сдержанней, — сказал кто-то приятным баритоном из-под стола.

— Пошли вы к черту, Спенсер! — огрызнулся полковник. — Русские открыли методы биологического предвидения. Это конец, Спенсер!

И, нашарив под столом кнопку, полковник выключил голос.

— А теперь... — Полковник стоял, натянутый как струна, правая его рука повелительно указывала на стену. — Вон отсюда!

Стена бесшумно разошлась на две части. Неверными шагами Питер вошел в кабину — на сей раз она была простой клетью грузового подъемника. Стена сомкнулась, и Питера понесло вниз, в тартарары, на авеню или стрит, где белые экипажи, шорох шин, где так легко дышать деловому человеку.

— Спенсер, — сказал полковник, нажимая ногой кнопку под столом, — ищите Виллиама Йориша, негра басуто. Он в прериях. Или в джунглях. В общем — в Африке.

Сказав это, полковник растегнул воротничок и рухнул в кресло.

— Фрона, — сказал Воинов, — я чувствую, что ваш дар все больше тяготит вас. Как бы мне хотелось, чтобы он навсегда остался с вами. Если бы не он, мы никогда бы не встретились. И я не смотрел бы сейчас на вас. А это так приятно...

— Ах, Александр, — ответила Фрона, — это так необычно для меня — умственная деятельность. Всю жизнь я хотела только одного — быть красивой, плыть на взглядах людей. Вы не представляете, какое это наслаждение плыть на взглядах. Как в море, когда купаешься голой.

— Но вы же достаточно насладились этим, Фрона. И из моря нужно выходить, иначе утонешь. А теперь — новая волна наслаждения, совсем другого — интеллектуального. Уверяю вас, когда работаешь с уравнениями — тоже как будто плывешь в волнах. Я открою вам новые океаны, Фрона!

Они сидели в одной из комнат сибирской лаборатории Заировой, маленькой уютной комнатке с камином, специально отведенной для неслужебных разговоров. На стенах не было ни грифельных досок, ни киноэкранов. За окном стелилось море сибирского снега, на третьем плане, у самой опушки леса бежали маленькие красные фигурки — лыжники прокладывали новую колею для бега, старую занесло вчерашним бураном.

— Александр, я верю вам, но и старого забыть не могу. Я входила в театр, и публика уже не смотрела не сцену. Все смотрели на меня. Гамлет мог сколько угодно надрываться на сцене — «Быть или не быть?». Ответ зависел от меня одной.

— На месте режиссеров я запретил бы пускать вас в театр, — засмеялся Воинов, — только в кино, где темно и вас не видно.

— В кино зажигали свет, когда я входила, — задумчиво ответила Фрона. — А нейтрализатор здесь есть, в лаборатории? — спросила она, внезапно меняя тему разговора.

— Тот, которым моя матушка обезвредила Брейгена на границе? — посмеиваясь, уточнил Воинов.

— Хотя бы тот.

— Стоит, стоит, в целости и сохранности, — сказал Воинов.

— И он действительно так прост в работе? Щелкнул — и никакого ясновидения? — как можно наивнее спросила Фрона.

Однако взгляд выдал ее. Внимательный, настороженный взгляд, каким кассир измеряет вкладчика-получателя сберкасс.

Воинов насторожился. Сейчас, как никогда, ему хотелось воспользоваться своим умением предвидеть события; увы, в соседних комнатах биогенераторы Заировой только что вышли на рабочий режим и сильный фон их поля парализовывал вариационные возможности Воинова.

— А почему вас заинтересовал нейтрализатор? — выдержав паузу, спросил он.

— Да так. Хочется посмотреть на аппарат. Но у вас, кажется, нет желания быть моим гидом? — Голос Фроны заметно поскучнел.

— Да, собственно, почему же... Конечно, аппарат не предназначен пока для широкого доступа... — пробормотал Воинов.

— Вот-вот, для широкого. А я из узкого доступа, Саша, — поддразнила Фрона, — И ваша матушка сама покажет мне все. Но мне были бы приятнее ваши объяснения.

«О черт! Влип, влип!» — в смятении подумал Воинов. Он и в самом деле не знал, можно ли ему продемонстрировать нейтрализатор. И еще одна щемящая мысль пронеслась в сознании:

«А вдруг опять происки иностранной разведки?!»

Но он отогнал эту мысль прочь, она не вязалась со всей историей Фроны.

— Видит бог, против женской логики я бессилен. — Воинов засмеялся, чтобы как-то скрыть свое состояние. — Железная хватка!

— Саша, Саша, вы ничего не поняли, — ласково сказала Фрона. — Женщины давно перестали пользоваться женской логикой. Только мужской. Мужскую логику и принимают теперь за женскую.

— Вашу логику принимаю такой, какая она есть, — сдаваясь, ответил Воинов. — Идемте к нейтрализатору.

Они вошли в небольшую затемненную комнату. Посреди нее на треноге возвышался уже известный читателю ящик, накрытый черным платком.

— Вот нейтрализатор, — сказал Воинов.

Он откинул занавеску, и на панели ящика засветилась надпись — «Заир-2». Фрона обошла установку с четырех сторон, потерла ладошкой о шероховатую поверхность ящика.

— Действительно, так просто устроено, — подивилась она.

— Ну, устроено не так уж и просто, — усмехнулся Воинов. — Действует просто. В соседней комнате приобретаешь вариационную способность, а здесь: чик! — и никаких следов. Нажатием кнопки!

Ом показал, какую именно кнопку следует нажимать.

— Один только недостаток, — пожаловался он. — Пахнет нехорошо. Представьте, прямо как в конюшне. «Заир-1», тот вообще смердил. Потому и разработали «Заир-2».

— А зачем вообще нужен нейтрализатор? — В темноте голос Фроны звучал с особой таинственностью.

«Ну, ну, — опять заныло у Воинова даже не в голове, а где-то в позвоночнике, — а что если и впрямь происки?»

Курортное африканское солнце взошло над горизонтом. Полезнейший, удобнейший момент суток; лучи еще не вызывают жжения, и на одном боку можно лежать дол-

го, а ультрафиолет работает в полную силу, наводит загар, глянец цвета вишневого дерева. Но коренному населению Африки нет дела до целебных качеств утреннего момента, оно и так загорело настолько, что дальше уж и некуда.

Радостно было на душе у Виллиама. Легко. Здесь, в тропической глуши, в забытой богом и людьми тростниковой избушке он наконец-то нашел душевный покой. Солнце, воздух, вода, мясное питание, стада антилоп и никаких слонов!

Именно слоны вынудили Виллиама стать отшельником. Не сами слоны, разумеется, а одно неотступное видение, преследовавшее Виллиама.

Пока Виллиам жил в рудничном поселке, он не видел ни львов, ни крокодилов, ни слонов. Равно как и ни одного кинофильма (о последнем обстоятельстве уже упоминалось в третьей главе нашей повести). Но зато в Париже он не выходил из зрительных залов, и если мало узнал о Париже, то много почерпнул о мире вообще. Его воображение особенно поразили фильмы об Африке — оскаленные морды львов, крокодилы в засаде, табуны взбесившихся слонов, все сметающие на своем пути.

Эти кадры всплывали в сознании, тревожили сны и мало-помалу слились у Виллиама с иллюзией предвидения. Безобразные сцены дикого слоновьего бунта рисовались ему в деталях, и Виллиам решил, что сцены эти идут от его предвидения.

— Ты погибнешь от слонов, Виллиам, — сказал он однажды сам себе и стал собираться.

Так он и оказался здесь, в местах, где слонами никогда и не пахло.

Виллиам сидел не корточках у костра, — мешал ложкой наваристую похлебку и с наслаждением втягивал носом ее аромат. Внезапно он насторожился, повернул голову и пропустил через ноздри струю воздуха, пришедшего с наветренной стороны.

«Что-то неладное», — подумал он.

Виллиам поднялся, его глаза тревожно обежали высокие заросли травы. В этот момент заросли раздвинулись,

на звериную тропу вышел человек. Увидев Виллиама, человек издал радостный вопль и стремглав бросился к нему.

— Виллиам Йориш? — задыхаясь, спросил человек. Он спросил об этом так, будто Виллиам был призраком, который вот-вот рассеется.

— Да, сэр, я Йориш, — ответил Виллиам, с удивлением рассматривая странного человека, небритого и оборванного, но с автоматом за плечами.

— Фу, наконец-то! — Вздых облегчения вырвался из груди оборванного человека, — Я искал вас по всей Африке. Я из Америки, из «Сырья со скидкой». Прилетел за вами. Мой вертолет километрах в ста отсюда. Его повредили носороги. Он упал набок и погнул винт.

— Это были носороги, сэр? Не слоны? — с опаской спросил Виллиам.

— Носороги, будьте уверены. Носорога-то я отличу от слона. Как-никак специалист по Африке. — И человек весело подмигнул Виллиаму. — Носороги это были, носороги.

— А-а, — отозвался Виллиам.

— Так вот, у нас к вам предложение, Виллиам. — Американец уже сидел у костра, кося глазом на кипящую похлебку, автомат его лежал на земле. — Очень выгодное предложение, — значительно добавил он.

Смутный, далекий гул прокатился над зеленой равниной. Собеседники переглянулись. Гул нарастал. Он шел с равнины сюда, к хижине. Почва вздрогнула, будто паровой молот угостил землю многотонным ударом.

— Я залезу на дерево, сэр, посмотреть, — сказал Виллиам.

— Стойте! — закричал специалист по Африке.

Но негр уже бросился вниз по склону, к высокому дереву у водопоя. Он почти добежал до зарослей, как вдруг стена травы рухнула — огромное стадо могучих животных мчалось к воде, прямо на Виллиама Йориша. Теперь негра отделяло от них метров тридцать.

— Опять носороги, проклятые! — в ярости заревел американец, хватаясь за автомат.

Негр завертелся как бес, носорог был в метре от него.

— Мордой об асфальт! — рявкнул американец и нажал на курок.

«Тр-рах!» — вспорола воздух короткая очередь, и первый носорог рухнул на землю.

«Тр-р-р-р!» — пропело еще раз, и второй носорог рухнул на бок.

Пришелец стрелял не целясь, бил, что называется, влет, однако вокруг Виллиама уже образовалась спасительная баррикада из туш животных.

— Прячься за трупы! — гаркнул пришелец, снова прикладываясь к автомату, но топот чудовищ, трубный рев стада поглотил слова команды.

Обезумевший Виллиам Йориш кинулся к дереву, и теперь стрелок ничего поделывать не мог — в ту же секунду стадо растоптало негра.

Так и не заметив этого ничтожного, с точки зрения стада, события, оно промчалось дальше, свободное и яростное, унеся с собой еще одну жизнь героя нашей повести.

Промчалось, и киноленту не прокрутишь в обратную сторону так, чтобы Виллиам поднялся как ни в чем не бывало, вернулся к похлебке, выслушал выгодные предложения. Да и не было киносъемки этого печального происшествия. В руках незнакомца дымился совсем другой аппарат, в кадр которого лучше не попадать живому существу.

— Боже, боже, — прошептал человек у котла с несъеденной похлебкой, — как рассказать Спенсеру о носорогах!

Пошли десятые сутки пребывания экспедиции Карне на Венере.

— А на Венере ничего, — сказал астрофизик Серж Ришпен.

— Да, здесь есть прекрасные уголки, — откликнулся Карне. — Вроде того, где мы блуждали с Альбертом.

Французы действительно неплохо обосновались на Венере. Поскольку энергии для широкого обследования пла-

неты не осталось, они и не отправлялись в дальние поиски, а время, оказавшееся свободным, тратили на устройство своего быта.

— Все-таки беспокожно, — задумчиво продолжил Карне, — мы ведь здесь не просто так, а как бы по программе «Ясновидения», хотя и не прямым образом. Наша цель — следить за космосом, чтобы не произошло новых вспышек, как в тот раз с «Лютецией». Чтобы опять не рождались ясновидящие где попало. Мало ли кому достанется дар? Человечество пока несовершенно! И вот застряли. А что там происходит?

— А я не беспокоюсь, — беспечно заявил пилот Альберт и помахал веткой хвоща. — Хватит и того, что мы здесь наоткрывали. Эти парадоксы пространства — времени.

— А мы еще ничего не открыли, Альберт, — вмешался астрофизик Серж Ришпен. — Есть только факт свернувшегося пространства, остальное — мои гипотезы, бред, если хотите.

— «Сумасшедшие» идеи движут миром, — пропел пилот.

— Не миром, а наукой, — сердито поправил Карне.

— Пространство — клубок спаянных полостей, — сказал астрофизик, не замечая пения пилота. — Сам себе не верю. Причем каждая полость замкнута сама на себя. И не просто, а замкнута, как лист Мебиуса. Помните странные исчезновения и появления танкетки.

— Видимо, это так, — утвердительно вставил Карне. — Это согласуется с нашим перелицеванием справа-налево. Если просто идешь по листу Мебиуса, все стоит на местах. Провалишься на другую его сторону, и тебя мгновенно переводит на другой знак, выворачивает наизнанку, правое становится левым.

— Но плотность, плотность пространства! — выкрикнул астрофизик, выходя из задумчивости.

— Ну, мы ее кое-где поубавили, — по-прежнему веселился пилот, — прореха от взрыва вышла что надо!

— Но в чем я твердо убежден, — сказал астрофизик, — что этот феномен не может быть делом рук природы. Плотность пространства не та.

— Уж не защита ли это прошлых венериан от иных цивилизаций? Вот что я думаю...

Он посмотрел на пилота, а потом на Карне. Экспедиции на Венере шел десятый день...

Воинов большими шагами расхаживал по комнате, где помещался нейтрализатор. Только что он открыл форточку и включил вентилятор, чтобы очистить воздух. Вошла Заирова.

— Мама, что она наделала! Прочитай. — Воинов бросился к Заировой, размахивая листком бумаги.

— «Дорогие мои, прощайте, — вслух прочитала Заирова. — Я покидаю вас. Волею судьбы меня наградило странным, нелегким даром предвидения, и я очень рада, что та же судьба свела меня с вами, ибо где еще я могла бы освободиться от тяжкого дара? Я включила нейтрализатор. Прощайте, спешу — в Претории ожидается новый конкурс красоты. В а ш а Ф р о н а».

— Кто бы мог ожидать... — беспомощно сказал Воинов.

— Этого можно было ожидать, — мягко возразила Заирова. — Это еще раз убеждает меня в том, что вариационная способность не должна поселяться у случайных людей. И мы правильно поступили — установили наблюдение за космосом, чтобы люди не облучались понапрасну вариационной волной. Только в стенах лаборатории, искусственным образом.

— А ты уверена, что эффект будет столь же естественным, натуральным? — спросил Воинов.

— Здесь вообще трудно говорить о естественности. — Заирова пожала плечами. — Разве человеку свойственно знать вариационный ход событий? Нет, конечно. Состояние, неестественное для человека. Но и не сверхъестественное. Люди-счетчики ворочают в уме миллионами со скоростью электронных машин. Есть люди, которые годами

не спят. И то и другое неестественно для человека вообще, но для этих конкретных людей физиологическая норма.

Из космоса пришла биологическая волна, перестроила работу нейронов мозга нескольких человек. Теперь их мозг, зная начальные данные той или иной ситуации, мгновенно варьирует этими данными и точно рассчитывает ближайшие события.

Абрахамс, например, решая нашумевшую задачу со спасением «Лютеции», имел изначальные данные о ситуации задачи — из газет, из научных сообщений. Тот же процесс организуется и в нашей лаборатории...

Заирова повернулась от окна, подняла глаза на сына. Александр не слушал ее, он опять углубился в проклятую записку Фроны.

— Вот что, Саша, — Заирова решительно подошла к сыну, — выкинь из головы всю эту историю. Чем скорее, тем лучше. Ты астрофизик, Саша, ты должен жить своим делом — момент напряженный. Полетишь на Венеру, у Карне опять нелады с пространством-временем. Да, полетишь, они давно уже запрашивают помощь.

— Полечу, полечу, — махнул рукой Воинов. — Но почему ты так уверена, что у этих пятерых все было именно так, как в твоей лаборатории? Доказать невозможно, их дар утрачен, а повторится ли в природе подобный феномен?

— Не повторится, — отрезала Заирова, — наука позаботится об этом. Путь один — через лабораторию...

Оглавление

Старинный фрегат под новыми парусами	9
1. <i>М. Емцев, Е. Парнов</i>	10
2. <i>А. Мирер</i>	20
3. <i>А. Громова</i>	32
4. <i>А. Днепров</i>	45
5. <i>Н. Соколова</i>	57
6. <i>С. Гансовский</i>	68
7. <i>С. Гансовский</i>	78
8. <i>В. Григорьев</i>	87

Повесть «Летающие сквозь мгновенье» была впервые напечатана в журнале «Техника – молодежи», №№ 9-12 за 1966 и 1-4 за 1967 гг. Публикуется по этому изданию с сохранением оригинальных иллюстраций.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.